

СВЕНЕЛЬД

ЗОВ ВАЛЬКИРИЙ

УДАЧА НАХОДИТ ТОГО, КТО БРОСАЕТ ЕЙ ВЫЗОВ

Елизавета Дворецкая

Исторические романы Елизаветы Дворецкой

Елизавета Дворецкая
Свенельд. Зов валькирий

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дворецкая Е. А.

Свенельд. Зов валькирий / Е. А. Дворецкая — «Эксмо»,
2022 — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой)

ISBN 978-5-04-168114-2

Перед большим походом в сарацинские страны Олав конунг из Хольмгарда приглашает воинов со всех концов света. Собирая зимой дань с племени меря, Свенельд сын Альмунда созывает охотников под ратные стяги. Среди мери есть желающие отправиться за добычей и славой в богатые серебром и шелком восточные земли, но этому решительно противится Кастан — жена мерянского князя Тойсара, умеющая колдовством подчинять себе волю и мужа, и недругов. Ей должна помогать ее дочь, красавица Илетай, лучшая невеста Мерямаа. Однако даже мудрая Кастан не знает всех желаний своей дочери. По собственной воле выбрав жениха, лесная валькирия Илетай готова бежать из дома. Теперь только от отваги и удачи Свенельда зависит, породнится ли Тойсар с русами и поможет ли собрать войско, способное пройти ураганом по берегам далекого Хазарского моря...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168114-2

© Дворецкая Е. А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Предисловие автора	8
Глава 1	12
Глава 2	27
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

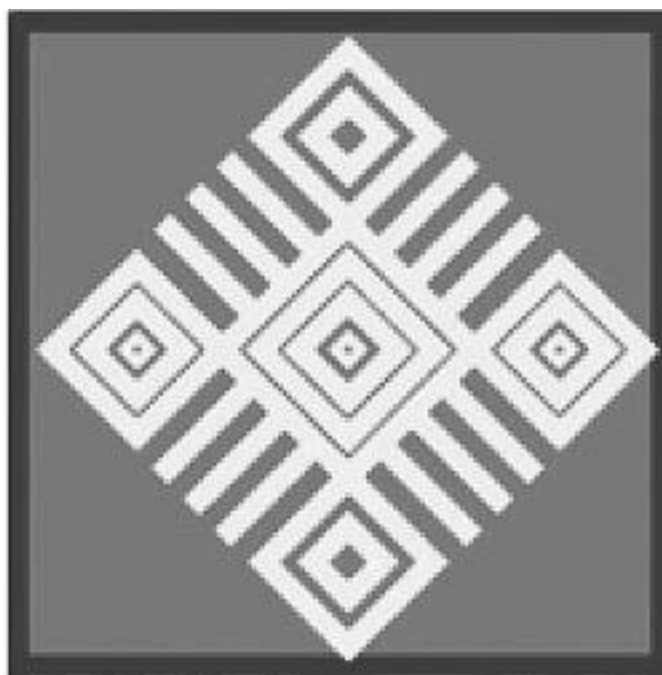

**Елизавета Дворецкая
Свенельд. Зов валькирий**

© Дворецкая Е., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие автора

Как видно из названия, главным героем этого романа послужил один из самых знаменитых летописных персонажей – воевода Свенельд. Он – чуть ли не первое известное нам историческое лицо, не принадлежащее к роду Рюриковичей и вообще к князьям, это первый «гражданин государства Российского», кого летопись назвала по имени (кроме послов из договоров с греками). В исполинском здании «древнерусского мифа» у него есть свой отдельный терем. Свенельд сам стал мифом, вошел в миф о четырех князьях – Игоре, Ольге, Святославе, Ярополке. А современное искусство (литература и кино) прибавляет к этому списку еще и Владимира, делая Свенельда спутником и его жизненного пути. Я бы сказала, что образ Свенельда, оставшегося зрелым, но не старым мужчиной до XI века, знаменует полный его отрыв от реального прототипа и выход в самостоятельную жизнь в качестве «антагониста вообще». «Седой и грузный», но бодрый воевода Свенельд – персонаж романа Бориса Тумасова «Кровью омытые», и престарелый Владимир, распределяя наследство, назначает Свенельда воеводой при юном Глебе. А ведь действие романа начинается в 1012 году, через 35 лет после последнего упоминания Свенельда в летописи (977 год) и через 90 – после первого (922 год)! Выходит, что этому Свенельду должно быть уже около ста двадцати лет от роду. «Варяжский ярл Свенельд» имеется среди персонажей романа В. Валущкого «Агнеш и Анастасия», где действие происходит в середине XI века. Это уж никак не может быть наш Свенельд, и появление такого персонажа означает, что имя «бесконечно живущего» Свенельда почти стало нарицательным.

По своим отражениям в современной художественной литературе Свенельд заслуживает почетное звание «архизлодей всея Руси». В изображении современных писателей это человек очень активной жизненной позиции, решительный и способный на поступок, но в основном разрушительного характера. Он – персонаж чуть ли не каждого романа, посвященного Игорю, Ольге, Святославу. Это «суровый норманн», и практически везде – персонаж отрицательный. «Амбициозный военачальник», «свирепый варяг», «хитрый воевода» – его обычные эпитеты. Кто бы ни был избран автором в главные герои – его соперником и противником будет воевода Свенельд.

В одном романе к нему применяется загадочный этнический термин «черный варяг», видимо, отражающий общую черноту его души. Главные его качества – коварство, склонность к предательству, корысть, жестокость, вероломство, властолюбие. К примеру, в романе Светланы Кайдаш-Лакшиной «Княгиня Ольга» Свенельд описан в самых черных красках:

«Князь же Игорь отдал воеводе Свенельду право собирать дань с древлян с 922 года. Уже несколько лет Свенельд исправно это делает... Но отчего же он так угрюм и далек от всех?..

Бог Хорс, как известно про него, часто перевоплощается в волка, и когда он таскает овец из стада, этим он наказывает его хозяина... Но откуда же в глазах Свенельда этот волчий блеск?

Он жаден к наживе, иногда страшно с ним находиться рядом...

В гостях у князя Мала впервые ощутила княгиня Ольга эту особую породу Свенельда, его отъединенность от улыбающихся друг другу людей...»

Это ж не человек, а явный оборотень – «особой породы», угрюмый, жадный, отъединенный от улыбающихся друг другу людей, с волчьим блеском в глазах. В сюжете романа он совершает несколько ничем не мотивированных убийств – такому не нужны особые причины, чтобы творить зло.

Неоднократно его обвиняли в стремлении погубить очередного князя, чтобы самому завладеть киевским столом. «Суровый, рано поседевший сорокалетний витязь, с орлиным взором водянистых глаз, косым рваным шрамом на левой щеке и длинными усами... вспылчив и в гневе страшен» – так описан этот наш герой в романе Станислава Пономарева «Гроза

над Русью». У него «насупленные мохнатые брови», из-под которых холодно поблескивают «ледышки его северных варяжских очей».

После гибели Игоря Свенельд не теряет:

«На третий день к вечеру в город на Горе прискакала дружина Свенельда. Воевода со скорбным лицом, но ликуя в душе, хотел опередить события. Замысел был: окружить князь-терем своими гридями и объявить себя великим князем Киевским, силой оружия и подкупом добиться признания своей власти у киевлян».

Так же властолюбив Свенельд в романе Андрея Сербы «Мечом раздвину рубежи». Он таит намерение захватить власть сразу же, как только останется единственной вооруженной силой в Киеве, и княгиня Ольга об этом догадывается, как будто это самое естественное дело.

«Ольга не отрывала взгляда от Свенельда: может, хоть чем-то выдаст свои тайные мысли? Напрасные надежды: лицо главного воеводы невозмутимо, глаза, как всегда, холодны, тонкие губы словно застыли под густыми вислыми усами. «Черный Ворон», – вспомнила вдруг Ольга прозвище, полученное Свенельдом от жителей Червонной Руси... Это прозвище воевода получил не только за свой внешний облик... Гораздо больше роднили воеводу с этим пернатым хищником сила и жадность, стремление любой ценой завладеть приглянувшейся добычей, а также неимоверная хитрость...»

Этот Свенельд – тонкий интриган. На время своего отсутствия он подсылает к Ольге молодого красивого варяга по имени Вальдс, который пытается за ней ухаживать (но ведет себя при этом так глупо, что вчистую проигрывает битву за ее сердце священнику Григорию).

Возьмем роман Михаила Казовского «Бич Божий» (изд. «Вече», 2013). Высокое положение Свенельда здесь объясняется тем, что он двоюродный брат Ольги (их отцы, Клеркон и Бард, были братьями), а следовательно, состоит в ближайшем родстве с правящей семьей. «Главной приметой лица Свенельда были его волчьи глаза: бледно-серые с точечкой зрачка. Не такие свирепые, как у его сына Люта, но достаточно злые». Мстислав Свенельдич, он же Лют, описан как мужчина «с бесцветными волчьими глазами», то есть эта черта у них передается по наследству, является семейной.

У М. Казовского именно Свенельд выведен единственным виновником «древлянских казней». По его версии, когда после гибели Игоря древляне прислали сватов, «Ольга приняла их душевно и подумывала ответить согласием, но Свенельд, по собственному почину, запер представителей Мала в бане и спалил. Вспыхнула война...» Далее Свенельд разоряет Древлянскую землю, а Ольга спасает от смерти Мала с детьми и отправляет жить в Любеч. Несколько лет спустя Свенельд убивает его там во время объезда – просто так. То есть главное злодеяние «Ольги преданий» Казовский передает Свенельду, обеляя княгиню и очерняя воеводу так, что дальше некуда.

Волк и ворон – животные, с которыми писатели Свенельда в один голос сравнивают – являются важнейшими мифологическими образами, связанными с хтоническими силами, враждебными человеку, а также (особенно волки) символизируют статус изгойства, чуждости, нахождения вне общества. Отсюда естественно вытекает образ убийцы, грабителя и насильника, но одновременно волк – это воин, вождь, отправляющийся за добычей в чужую землю. Ворон, в свою очередь, сопричастен магическим (шаманским) искусствам, знает дорогу на тот свет и может выполнять поручения там. В представлении писателей, видимо, сыграло роль то, что ворон – зловещая птица мертвых, чей крик пророчит беду, но думаю, удивительное летописное долгожительство Свенельда повлияло на его отождествление с вещью птицей, живущей, по преданиям, триста лет. «Рано поседевший» – мелкая, может быть, бессознательно автором введенная деталь, опять же связывает Свенельда с миром предков, с Тем Светом. Он никогда не бывает молод, он всегда описан как мужчина преклонных лет, как «дед». Зловещий дед, фактически повелитель мертвых, образ, родственник главным «отцам ужаса» славянской мифологии – Кощею, Вию...

В скандинавской мифологии образы волка и ворона тесно связаны с образом Одина – бога мертвых и колдовства, а также повелителя павших воинов. Его спутниками являются два волка и два ворона. Мне кажется, здесь уже вступило в действие «коллективное бессознательное», в результате чего усилиями разных авторов, имевших совершенно разные методы, принципы и цели, сформировался мифический образ воеводы Свенельда – воина-волка, ворона, носителя агрессивного, коварного и корыстного начала, этакого «проводника в мир мертвых», Кощея среди людей. Ведь он, если взглянуть на летописные легенды, фактически был причиной гибели четырех князей, с которыми имел дело! Из-за соперничества с ним погиб Игорь; Свенельд бросил Святослава на растерзание печенегам; Свенельд подбил Ярополка к нападению на брата Олега, из-за чего тот погиб, а в итоге и сам Ярополк пал в борьбе с другим братом, Владимиром. «Волчий блеск в глазах», «длинный, с горбинкой нос, черные как смоль волосы, постоянно приподнятые плечи и чуть склоненная вперед голова» – даже внешности его приписывают волчьи и вороновы черты.

Таким образом, писатели с XI по XXI век дружно соединяют усилия, формируя образ «варяга-волка». И я сильно склоняюсь к мысли, что полусознательное формирование этой, литературной по существу традиции началось не сейчас, а тысячу лет назад – еще до перенесения легенд из устной сферы в летопись.

Одно из немногих исключений – роман Василия Седугина «Князь Игорь», где Свенельд – «спокойный, но решительный человек, умелый военачальник». Симпатичный, настоящий друг Игорю. Но поскольку Игорь там занят больше личными неурядицами, то и Свенельд не особо себя проявил.

Из летописных упоминаний сведений о Свенельде извлечь можно немного. Имя его скандинавского происхождения: С. Л. Николаев относит его к категории: «летописные имена, имеющие фонетику «русско-варяжского» диалекта», и отмечает, что «фонетически не выводимые из *Swênald формы Свенгелдъ, Свинделдъ (*Свѣнгелдъ), по-видимому, говорят о знакомстве летописца с двумя сходными «русско-варяжскими» именами, *Swênald и *Swêngeld. Последнее имя неизвестно из скандинавских источников, однако содержит распространенные компоненты, в частности ср. Ингелдъ (*In-geld)» (конец цитаты).

Причем само имя Свенельда, которое фиксировалось со слуха, имеет в летописях десятки вариантов написания: Свѣнелдъ, Свѣналдъ, Свѣндель, Свѣналдъ, Свеналд, Свѣнделдъ, Свѣньделдъ, Свиньлдъ, Свинделдъ, Свенгелдъ, Свѣнгельдъ и так далее.

Судя по имени, Свенельд происходил из ославяненной Руси и родился на землях восточных славян. Дружина Игоря говорит о нем «одному дал много» (в Новгородской Первой Летописи), то есть рассматривает его как одного из своей среды – вероятно, из этой дружины он и вышел, но со временем заметно оторвался от массы по богатству и влиянию.

Откуда же такие черные краски? Как и в случае с Ольгой, Свенельд пострадал из-за своей славы. Как Ольге предание приписало массовые убийства, желая этим ее прославить, так Свенельда, видимо, очень знаменитого при жизни Игоря человека, предание никак не хотело «отпустить на покой». Если собрать все летописные статьи, упоминающие его имя, то получится, что активная его военно-политическая деятельность продолжалась с 922 по 977 год – 55 лет! Однако надо помнить, что первый летописный свод (так называемый Начальный) был создан в 1070-х годах – ровно сто лет спустя после того, как Свенельд сошел с политической сцены. У летописцев не было никаких иных источников, кроме народных преданий, а они, рассказы, передаваемые устным путем через четыре-пять поколений, едва ли могли донести точную хронику событий. По сути эти летописные легенды представляют собой дружинный героический эпос, и от него не стоит ждать фактической точности. Представьте, что у нас не было бы иных сведений о Великой Отечественной войне, кроме того, что нам рассказали прабабушки, – наверняка мы бы считали, что абсолютно всеми ее битвами, от обороны Брестской крепости до взятия Берлина, руководил маршал Жуков.

Единственный твердый факт, который мы можем вынести из летописных упоминаний, – что воевода Свенельд был весьма знаменит в эпоху Игоря и оказал немалое влияние на тогдашнюю политику. Но о личных его качествах судить по летописным преданиям можно так же надежно, как простым глазом исследовать свойства Луны по ее отражению в луже. Большинство писателей, увы, воспринимают летопись слишком прямолинейно и попадают в ловушки древней литературной традиции. Мой роман будет, видимо, первым, где Свенельд – не традиционный коварный интриган с орлиным носом и седыми усами, а молодой парень в вихрях эпохи, дававшей множество случаев обладателям отваги и удачи.

(Этот роман можно рассматривать как предысторию большого цикла романов «Княгиня Ольга», здесь та же история и система персонажей.)

Глава 1

Вовсе не этим Свенельд сын Альмунда хотел бы заниматься в свою брачную ночь. В двадцать лет он раздобыл такую невесту – и красивую собой, и высокородную, – какой иному и в пятьдесят не дожидаться. Но удача вышла по заслугам: Витислава, младшая дочь велиградского князя Драговита, досталась ему как честная военная добыча. Когда ободриты уже разбежались, ему пришлось прямо там, близ священной дубовой рощи, где местные отмечали середину лета, схватиться с Хольти Рыжим, который тоже было на нее нацелился – ясно же, что девушка, сидящая на белом коне, в большущем цветочном венке, и есть здесь самая лучшая. А потом, когда он со своей добычей уже был на берегу Травы возле кораблей, явился Бранегост, что ради давней вражды вильцев с ободритами присоединился к походу, – дескать, он ради нее сюда и шел. Надо было раньше говорить, кто за чем шел, а что с бою взято, то свято.

Старший брат Витиславы, Мистислав, запершись в ближнем городке под названием Любица, присылал своих людей и хотел ее выкупить, но Свенельд сам предложил выкуп – священного белого коня и пять человек из числа других пленников, почти всю его долю, – за то, чтобы Драговит оставил дочь ему и дал согласие на законный брак.

– Я не так глуп, чтобы променять девушку княжеской крови на скот и серебро, – сказал он самому Мистиславу, когда тот вызвал его на переговоры перед той священной рощей. Венки, потерянные разбегавшимися женщинами, помятые и растоптанные, валялись по всему берегу. – Она родит мне сыновей, чей знатный род обеспечит им удачу и почет. Такого на торгу не купишь!

Каждый в сопровождении своих телохранителей, они сошлись под старым дубом, посвященным Перуну. Мистислав был рослый, приятный собой русоволосый мужчина лет двадцати трех – прямой нос, ясные серые глаза. Одет он был так, как одеваются знатные франки: цветная рубаха до колен, шелковые чулки. Вся повадка его выражала уверенный, сдержанный нрав, но сейчас он не мог скрыть досады перед противником, который нарушил ход праздника, оскорбил богов, пленил сестру и священного белого коня в придачу, а сам даже на несколько лет моложе его! Однако хороший кафтан с шелковой отделкой, серебряное обручье, а главное, очень дорогой меч-корляг на плечевой перевязи говорили, что похититель – человек не простой.

– Кто ты такой, чтобы требовать в жены княжескую дочь? – с негодованием допрашивал Мистислав. – Не помню, чтобы когда-нибудь слышал твое имя! Если ты из тех морских разбойников, что именуют себя конунгами, а сами не имеют даже такого клочка земли, чтобы свою задницу уместить, то к чему тебе знатная жена?

– В этом ты ошибаешься, – без обиды, обстоятельно пояснил похититель.

По виду он походил скорее на свая – даны таких кафтанов не носят, – чем на славянина, но на славянском языке говорил как на родном, хоть и ясно было, что учился он ему весьма далеко от этих краев. Для ободритов все говорящие на северном языке считались данами, а данов они, к своей печали, знали очень хорошо. Веками те и другие, живя по соседству, совершали взаимные набеги, и порой их вожди даже обменивались невестами в попытках наладить мир.

– Род мой не владеет никаким князьим столом, но среди моих предков были конунги данов. Слышал ты о Харальде Боевом Зубе?

Уж конечно, мало в этой части света нашлось бы людей, кто не слышал об этом человеке – том, кто обладал всеми Северными Странами и многими другими, прожил сто пятьдесят лет и в конце концов пал в битве, устроенной им самим именно ради того, чтобы погибнуть со славой.

– У него был сын по имени Халльмунд, известный как Халльмунд Старый, – продолжал Свенельд. Он вовсе не считал эти вопросы лишними: семья невесты имела право знать, что родство, которое ей навязывают силой, не уронит княжеской чести. – У Халльмунда было пятеро сыновей: Анлейв, Харальд, Регинфред, Хемминг и Хродрик, а еще дочь по имени Альвейг. Мужем Альвейг был человек по имени Хавтор Скала. У них родилось трое сыновей: Регинфред, Хродрик и Халлькель. Регинфред был дедом моего отца, Халльмунда. Мой отец женился в Ладогe, это на Восточном пути, на другом берегу Восточного моря¹. Моя мать происходит из Витонежичей, это старший тамошний род, в большой славе. Мы живем в Хольмгарде, главном городе Гардов², откуда начинается путь в сарацинские страны через земли славян и всяких прочих. Мой отец – хёвдинг у Олава конунга, и весь наш род у него в чести.

– Тогда почему ты здесь, разбойничаешь, как лютый волк, вместо того чтобы сидеть у себя дома? Не боишься оскорбить богов, нападая на священные рощи в святодни, когда чествуют Живу и Перуна! – Мистислав показал на крону дуба у себя над головой.

– Как – почему? – этому вопросу Свенельд удивился. – Я что, похож на женщину, чтобы всю жизнь просидеть дома? Всякий мужчина должен повидать мир, чтобы заслужить уважение. Я бывал в Киеве и один раз даже в Саркеле, но там из наших многие бывали. А вот на северные моря никто не ходил, свеи и готландцы больше сами к нам ездят. Этот поход меня прославит. Отец и Олав дали мне дружину, чтобы Сигтрюгг и наши датские родичи видели, какая удача досталась потомкам Халльмунда Старого в Гардах. Вы сами убедились, что у меня она есть. Вашей чести не уронит, если мы породнимся.

– Возьми за нее трех рабынь! – в отчаянии предложил Мистислав. – Я дам самых красивых и ловких!

– Не считай меня рохлей, которому не с кем спать. Меня не проведешь. Я знаю, чем ценна моя добыча, и не променяю на всякую дрянь, какой все торги заполнены. Я сам верну вам пять простых девок из тех, что сейчас у меня, и коня в придачу. А твой отец признает меня зятем. Иначе... сами понимаете, отказ от этого брака ни воли, ни чести твоей сестре не вернет, а она хорошая девушка, и было бы обидно смолodu обречь ее на участь рабыни стоимостью в три марки серебра!

Соглашение было нужно им обоим. Случается, что в плен попадают знатные девы и даже дочери конунгов. Но рабыня, захваченная или купленная, она и есть рабыня, и дети ее через всю жизнь пронесут несмываемое позорное пятно. Чтобы такая пленница стала чем-то большим, чем дорогая игрушка и предмет похвальбы хозяина, нужно получить согласие ее семьи. Невесту требуется выкупить «даром и словом», как свободную женщину, чтобы взятие ее на ложе означало союз между родами. Только тогда дети будут законными и получают права на все наследство с обеих сторон, как имущественное, так и то, что заключено в их крови. Просто похитив девушку, Свенельд обесчестил бы ее род, но себе чести прибавил бы не много. Вся разница была в том, что он к соглашению стремился по доброй воле, а Мистислава к этому принуждало безвыходное положение. Уж он выбрал бы сестре мужа получше, чем какой-то неведомый полуславянин-полудан с Восточного пути! Заскучала Витка дома, захотела проехаться до Любицы, покрасоваться на белом коне, ведь здесь нет никого ее знатнее! Теперь, похоже, прогулка ей предстоит более долгая.

– Я не могу решить это сам! – сказал Мистислав, убедившись, что противник твердо знает, чего хочет, и не намерен отступать. – Ее судьба в воле нашего отца!

– Ну так пошли к нему. А он пусть потом ищет меня в Хедебю, у Сигтрюгга. Я еще побуду там какое-то время, но к осенним пирам собираюсь быть дома.

¹ В древности и Неву, и Ладожское озеро считали продолжением Финского залива. Восточное море – скандинавское название Балтийского моря. (Здесь и далее примечания автора.)

² Гарды – скандинавское название Северной Руси, а данном случае – округи, подвластной Хольмгарду (будущей Новгородской земли).

Свенельд не собирался ждать с дружиной в устье Травы, пока Мистислав снесется с отцом в Велиграде, а тот соберет войско. Ободриты были довольно опасными противниками, веками не без успеха воевавшими с саксами и франками. Порой попадая в зависимость от христианских королей, велиградские князья тем не менее сумели сплотить и подчинить три ближайших славянских племени и уже с полвека никому дани не платили. Свенельду повезло, что в эти дни Мистислав отправился в торговую крепость Любицу, всего в одном роздыхе³ от моря, а младшая сестра, к нему сильно привязанная, упросила взять ее с собой. Останься она в Велиграде, не застань даны здешних ободритов врасплох – Свенельд никогда в жизни даже увидеть ее не смог бы. Такое стечение обстоятельств он посчитал знаком особого благоволения к нему норн-судениц. В свой священный день, когда у славян принято выбирать жен и мужей, боги просто всунули эту девушку ему в руки, а только последний глупец променяет подобный дар на какой-то там выкуп. Кони сдохнут, рабыни состарятся, шелка износятся, серебро растратится, и только княжеская кровь будет передаваться потомкам из поколения в поколение, вновь и вновь принося им почет и удачу.

Согласия Драговита Свенельд ждал, уже вернувшись со своей добычей в Хедебю. Там переговоры завершились. Тот же Мистислав привез приданое сестры и ее служанок и от имени отца ударил по рукам со Свенельдом: род невесты выплачивает ее приданое и принимает выкуп, жених обязуется сделать ее хозяйкой своего дома и матерью наследников. В присутствии Сигтрюгга конунга было справлено обручение, и союз приобрел законную силу.

Драговит пытался поставить условие, чтобы Свенельд вместе с женой оставался в Хедебю, на службе у Сигтрюгга конунга – такое родство подкрепило бы безопасность его земель. Но на это Свенельд не согласился: ему не терпелось похвастать своей добычей перед отцом с матерью, перед двумя оставшимися дома братьями и перед Олавом, своим господином. После обручения он сразу же отправился через море на восток – туда, где лежал великий Восточный путь, соединявший Северные Страны с южными морями, источником шелков, серебра и прочих сокровищ.

* * *

Домой Свенельд вернулся в последние дни перед началом зимы и поверг в изумление, да и зависть, сначала всю Ладогу, а потом и Хольмгард. Того, что он привезет добычу, никто особенно не ждал – посылали его за другим, так что своим успехом он мог гордиться вдвойне. Захваченный скот и полон продали в Хедебю, и Драговитова дочь оказалась одной из немногих пленниц, кого довели до дома.

Когда лоды, пройдя по Волхову, подошли к внутреннему причалу – он находился внутри укреплений Хольмгарда, дугой огибавших его со стороны берега, – Олав конунг велел закрыть ворота на посад, иначе прибывшим было бы некуда сойти из-за толпы. Ради такого случая он сам вышел на причал, вместе со всеми домочадцами.

– Рад видеть тебя живым и невредимым, Свен! – Олав, невысокий, рыжеватый мужчина тридцати лет, приветственно развел руками. – Надо думать, ты успел далеко забраться, если возвращаешься прямо перед осенними пирами! Мы уже почти перестали тебя ждать, думали, ты зазимовал где-то за морем, вместе с Ингемундом.

– Здравствуй, конунг! – Свен махнул рукой с борта лоды. – Про Ингемунда я слышал на Готланде – он был у Бьёрна в Уппсале и собирался вместе с ним зимой ехать по стране. А мы добрались до самого Хедебю, как я и хотел. И еще по дороге взяли добычу у ободритов!

– Что-то немного ее! – Годред, старший брат Свенельда, в свои двадцать два возвышавшийся на голову над любой толпой, упер руки в бока. – Вижу двух-трех женщин – ради этого

³ Роздых – 5–6 километров.

не стоило ходить так далеко. Или у тебя еще где-то спрятан поросенок? Тогда, конечно, другое дело!

В толпе засмеялись, но не слишком дружно. За насмешкой Годреда скрывалась зависть: ну кто же станет прилюдно восхищаться, если твой младший брат взял да и покрыл себя славой на морях? Годред охотно сходил бы в этот поход и сам, но ему пришлось, как всякое лето, везти товары в Саркел. Конунгова служба не много времени оставляла для прогулок ради славы: зимой нужно было собирать дань с чуди и мере, а летом возить куниц, бобров и все прочее продавать на хазарские торги.

– Кое-что ценное я привез, это верно! – Свенельд тем временем сошел с лодьи на причал и дал матери себя обнять. – Скотину, полон и всякие пожитки мы продали у данов, дренги оставили себе по девке, кому было надо. А я привез такого поросенка, что ему нет цены!

– С золотой щетинкой? – улыбнулся их младший брат, Велерад.

– Небось золотой браслет в три марки весом, да? – воскликнул Годред. – Рука не устает?

– Еще лучше! Сейчас увидите!

Свенельд вернулся на лодью, взял одну из сидевших там женщин за руку и поднял. Пока они шли по мосткам на причал, в ближних рядах толпы раздавались удивленные возгласы.

– Вот! – Свенельд приподнял руку девушки, чтобы всем было лучше видно кольцо на ее руке. – Это моя будущая жена! Мы обручены как полагается.

– Божечки, мне невестку привезли! – запричитала его мать. – Макошь матушка, дождалась я радости! А то три лба здоровых выросли...

– Да уж я не сомневался, что так будет! – усмехнулся Альмунд, отец. – Только раззява возвращается из похода без невесты, а наши-то не такие!

– Она из вендов? – Олав приподнял брови.

Это было видно по ее одежде: белой шерстяной свите, из-под которой чуть торчал подол красной поневы с тонкими белыми полосами. Поверх этого девушка была плотно закутана от осеннего речного ветра в толстый плащ.

– Только вот... не слишком ли она молода? – с сомнением добавил Альмунд, стараясь разглядеть привезенную.

Личико с порозовевшим от холода носом пряталось в складках серого платка, к тому же невеста не поднимала глаз, стояла сжавшись, будто боялась града камней. Однако женщину, способную пленить кого-то из его взрослых сыновей, Альмунд представлял себе повыше ростом и повиднее. Свенельд сам вымахал в три локтя с пядью, а Годред – в три с половиной. А в этой невесте два с половиной да пядь, да и того не будет, пожалуй.

– Две ее старшие сестры уже замужем, и до них было никак не добраться, – Свенельд с сожалением покачал головой. – Зато ее отец – сам Драговит из Рёрика⁴, князь ободритов! И она его законная дочь. В ней княжеская кровь, от самих богов. Пять других пленных я отдал на выкуп за нее, и Драговит согласился на наш законный брак! Я ударил по рукам с ее старшим братом. У меня свидетели есть! – Он кивнул на своих хирдманов, которые уже сошли с лодий и смешались с толпой собственных родичей. – Так что это настоящая конунгова дочь, подлинная, как мой корляг! – И он коснулся рукояти меча, будто принося клятву.

Толпа возле них уважительно загудела.

– И что же – ты женился? – в изумлении рассматривая гостью, воскликнула Сванхейд, жена Олава и госпожа Хольмгарда.

– Пока еще нет. Я хотел, чтобы свадьбу справили здесь и все вы были свидетелями.

– О боги! – Сванхейд всплеснула руками. – Если она дочь князя, это для тебя, конечно, большая удача, кто бы стал спорить... Но... сколько же ей лет?

⁴ Рёрик – датское название Велиграда.

Свенельд слегка склонил голову и покосился на двух других женщин, постарше, сидевших в его лодье среди коробов с имуществом юной невесты.

– Ее служанки говорят... одиннадцатое лето миновало. Она еще не того... Дома она не носила поневу, на нее надели уже в Хедебю, перед нашим обручением, чтобы... был приличный вид.

«Чтобы вручить жениху невесту, хотя бы похожую на взрослую деву, а не на ребенка», – вот что он хотел сказать.

– Одиннадцать! Даже я старше! – горделиво воскликнула Ульвхильд, дочь Олава от его первой, покойной жены.

Ульвхильд пошла тринадцатая зима, она уже считалась готовой невестой, однако на новую товарку взглянула не без досады: у той уже имелся жених – этот дубина Свен, а Ульвхильд все еще ждала, кому из владык отец пожелает отдать ее руку.

Годо приоткрыл было рот, явно собираясь отпустить какую-то шутку в своем духе, но Свенельд с прежней уверенностью встретил насмешливый взгляд старшего брата.

– Но она же не останется такой навсегда! Пройдет год... или два... зато мои будущие дети всю жизнь будут внуками князя!

– Ну-ну... желаю тебе не заскучать в ожидании! – хмыкнул Годред. – Если что, сможешь пока с ней в «криночки»⁵ поиграть.

* * *

Встречей на причале дело не кончилось – на завтра Олав устроил в честь Свенельда пир, и сама Ульвхильд, насмешливо улыбаясь, поднесла тому приветственный рог. Как бы он там ни отличился, средний из Альмундовых сыновей – не тот витязь, которого она посчитала бы достойным своего внимания, но пока не явился кто-нибудь получше, была рада и такому случаю выступить в должности «госпожи медовой чаши». Дочь Олава была из тех дев, кого с десяти лет учат искусству подносить рог мужам и управлять пиром, поскольку в будущем ей предстоит быть хозяйкой пиршественной палаты не одного, так другого могущественного владыки. На пирах начинавшейся зимы ей предстояло впервые красоваться в наряде взрослой женщины, и приезд Свенельда дал неплохой повод начать. Ростом она была ниже его на целую голову, однако тонкая и стройная, высокая для своих лет, одетая в красное платье с золочеными наплечными застежками, с прической знатной девы – узлом волос на затылке, из которого свешивался на спину длинный хвост, – держалась уверенно и величаво, как настоящая валькирия. С ранних лет Ульвхильд была приучена к мысли, что рождена быть главным украшением княжеских палат, и Свенельд не без тайного сожаления сравнил ее мысленно с той, которую назвал своей невестой. Вот если бы такую деву привезти из заморья, никто не посмел бы усмехаться!

– Приветствую тебя по возвращении из чужих стран, Свенельд сын Альмунда! – величественно произнесла Ульвхильд, встретив его перед горящим очагом и держа в руках окованный серебром рог с вареным медом. – Возблагодарим богов, что хранили тебя и дружину в долгом пути, уберегли от бурь, чужих мечей и стрел, болезней и прочих опасностей, чтобы ты мог достичь той цели, ради какой тебя посылали!

Она отлила немного в очаг – мед зашипел, вырвав мокрые пятна черноты на багряном теле пылающих головней, – потом подала рог Свенельду.

– Благодарю и тебя, дева! – Он улыбнулся. Дочь собственного вождя воздавала ему честь, а это значит, что он и впрямь чего-то добился в жизни. – Славьтесь, асы и асиньи!

⁵ «Криночки» – игра для маленьких детей с нянькой.

Свенельд тоже отлил немного в очаг, а потом наклонился к Ульвхильд, рассчитывая ее поцеловать, но она отвернула лицо, так что он сумел лишь скользнуть губами по ее гладкой щеке.

– Жenu свою целуй! – насмешливо шепнула она ему.

Даже отличившийся, сын Альмунда все же был ей не ровня, а Ульвхильд с детских лет знала, где место ей, а где всем остальным.

Юной Витиславы в гриднице не было: Радонег, мать Свенельда, охая, увела девочку к себе и устроила на отдых, велев ей не тревожить, пока не попривыкнет немного. Да и не годится невесте до свадьбы торчать у людей на глазах – сглазят еще. Жители Хольмгарда были разочарованы – всем хотелось получше разглядеть ободритскую княжну. «Насмотритесь еще! – весело отвечал любопытным Свенельд. – Она теперь на весь век с нами!»

Но вот Олав раздал дружине за столами мясо и хлеб, и пришла пора для разговора.

– Когда мы прибыли в Хедебю, я сразу отправился к Сигтрюггу конунгу, в Слиасторп, – рассказывал Свенельд. – Это его усадьба, она неподалеку от Хедебю, но не в самом вике. Он, понятное дело, стал расспрашивать, кто я такой. Оказалось, что наших тамошних родичей он знает, и послал за ними. Ну а когда мы перечислили дедов и выяснили, что я доподлинно их родич, я рассказал, что ты, конунг, задумал большой поход в Серкланд и тебе требуются воины. До них доходили через свеев и готландцев слухи о Хельги киевском и его походе на греков, но они это по большей части сочли за «лживые саги». Но я им все подтвердил: как Хельги взял выкуп за то, чтобы снять осаду, как цесари пообещали ему торговый мир, чтобы можно было возить туда меха и все прочее, а шелк и вино покупать прямо там... У них у всех так глаза и загорелись! – Свенельд усмехнулся. – Но иные стали кричать, что-де они не знают ни меня, ни моего конунга, ни наших людей, мол, им неведомо, те ли мы люди, с которыми можно надеяться на удачу.

– Ну а ты? – воскликнула Сванхейд; молодая госпожа была честолюбива не менее, чем ее сдержанный муж. – Что ты им ответил?

– Я ответил, что сам еще не знаю, есть ли у них хоть немного доблести и пригодится ли нам их помощь. Тогда Сигтрюгг сказал, что мы можем испытать свою храбрость этим же летом, не забираясь на южные моря. Уже близилась Середина Лета, и он сказал, что мы могли бы сходить с боевым щитом в земли вендов – они так называют ободритов. Мне потом Хродрик, наш родич через того Халькеля, что был братом прадеда Регинфреда, рассказал, что пару лет назад Сигтрюгг сам летом ходил на Драговита, но был разбит и едва успел убраться к кораблям. Вот он и нашел случай с ними посчитаться моими руками. А если б они и меня разбили, то ему невелика печаль. Но Хродрик сразу сказал, что он пойдет со мной, и его зять тоже, а за ним и еще кое-кто подтянулся. Еще пятеро пришли с дружинами, так что нас набралось почти две сотни на восьми кораблях. А потом явился даже один удалец из вильцев, по имени Бранегост. Вильцы давно враждуют с ободритами, он сам-то был в Хедебю по торговым делам, но тоже пошел с нами... Я с ним потом подрался, – добавил Свенельд.

– Из-за чего же? – улыбнулся Олав, довольный, что его молодой посланец за морем не ударил в грязь лицом.

– Он тоже хотел заполучить мою невесту. От него-то я и узнал, что она – дочь самого князя, Драговита. Я-то думал, она просто самая красивая, кто в той округе нашелся, как у нас для Купалий словены лучшую девку выбирают.

– А он не солгал? – нахмурилась Сванхейд.

– Нет, я потом расспросил других пленных. А потом к нам прислал из крепости Мистислав, Драговитов сын, ее брат...

Но повесть о борьбе за невесту, хоть и была весьма занимательна, волновала Олава меньше, чем отчет о главном поручении Свенельда. Уже года два он подумывал о большом военном походе на дальний край Восточного пути – в сарацинские страны, откуда везут шелка

и серебро. Мысль эта пришла ему после того, как киевский князь Хельги Хитрый сходил на Греческое море и побывал у стен Константинополя, или Миклагарда, как этот город называли в Северных Странах. По всем землям разошлись слухи об успехе этого похода, о богатой добыче из греческих земель, о дани, полученной от цесарей за снятие осады, о договоре насчет торгового мира, дающем право купцам русов ежегодно посещать константинопольский торг. Олав знал об этих делах из первых рук: после похода Хельги присылал к нему людей, чтобы рассказать о будущем соглашении. Оно сулило некоторые выгоды и Олаву, поскольку открывало новые возможности для сбыта северных мехов, но его товары могли попасть на константинопольские торги только с людьми Хельги, а значит, Хельги достанется и главная прибыль, и честь.

С этим Олав не мог смириться. Теперь слава Хельги Хитрого, вчерашнего выскочки, будет год от года возрастать, право продавать меха, мед, воск и челядь в Константинополе, привозя назад золото, паволоки, вино и прочее, будет питать его богатство и влияние. Притом и потери в русской дружине были невелики – цесари, занятые войной с сарацинами, не дали ни единого настоящего сражения, а отдельные отряды русы разбили без особого труда. Весь свет полнился хвалами Хельги киевскому, удача его считалась поистине божественной. Славяне даже стали именовать его Вещим, видоизменив его старое прозвище, в знак признания за ним особой зоркости души.

Молодые русы, в том числе Годред, стали поговаривать о том, что нехудо было бы отправиться к Хельги и поучаствовать в других его походах. Опасаясь, как бы лучшие из его людей не оказались вскорости людьми Хельги, Олав объявил, что намерен собрать войско и отправить его в поход на Серкланд – Страну Рубашек.

Размахом и отвагой замыслов Олав не уступал своему киевскому сопернику, но для такого предприятия требовалось больше людей, чем он мог набрать в своих владениях. Подвластные Олаву земли были весьма обширны – от Луги на западе до Ваугед-озера⁶ и меренских озер на востоке. Собирая дань со словен, чуди, мере, он отправлял на хазарские торги немало ценных мехов, меда, воска, взамен получая сарацинское серебро и шелка. Однако население в этих лесных краях было довольно малочисленное, и только там нельзя было бы набрать войска, достаточно большого для успешного похода на другой край света. Подготовка должна была занять несколько лет.

Приняв решение о походе, Олав в первый год разослал послов в Итиль и Киев – к владыкам тех мест, через которые войску предстояло пройти. Хельги охотно дал согласие пропустить северных русов через свои земли на Десне. Дороже обошлось соглашение с хазарским хаканбеком: он пожелал получить половину всей добычи, которую русы возьмут у сарацин, и на том стоял прочно. Пришлось согласиться: с какой стороны ни подойди, через Боспор Киммерийский из Греческого моря или по южным рекам, помимо владений каганов пройти в сарацинские земли никак нельзя.

На другое лето Олав принялся набирать войско и послал людей в заморье – туда, где имелось немало отважных воинов, только ждущих, чтобы им указали путь к добыче. Ингемунд Веселый отправился в Уппсалу – к старому Бьёрну, деду Сванхейд, а Свенельда, среднего сына Альмунда, было решено послать на запад, к данам. Альмунд родился в Хедебю и оттуда еще в молодых годах перебрался сначала в Бьёрко, а оттуда в Ладугу, но в Хедебю у него осталась родня, а значит, как рассудил Олав, его сыну будет легче добиться толку.

– Я вдвойне рад успеху твоей поездки, – сказал Олав, когда Свенельд наконец изложил все свои приключения. – Ты хорошо исполнил мое поручение, а себе добыл честь и невесту. Боги тебе помогли, послав эту девушку. Думаю, после того как в Хедебю у Сигтрюгга все ее увидели, никто не усомнится, что у наших людей есть и доблесть, и удача. Если все те люди,

⁶ Первоначальное (вепское) название Белоозера.

что пообещали быть здесь следующей весной, сдержат слово, мы соберем войско немногим меньше, чем было у Хельги в походе на греков. Верно же, Альмунд?

– Верно, конунг! – охотно подтвердил Альмунд. – У меня подросли сыновья, нужно дать им случай людей посмотреть и себя показать! Отправлю их, а сам буду полеживать да поджидать добычу!

– Уж в этот раз ты отпустишь меня, а не заставишь считать куниц! – взмолился Годред.

– Было бы несправедливо лишить тебя и этого случая отличиться! – засмеялся Олав.

– Твой брат привез княжну – тебе придется раздобыть дочь кагана, чтобы не уступить ему! – поддела Годреда Сванхейд.

– Если только у него есть дочери...

– Нет, нет! – Олав предостерегающе поднял руку. – Осторожнее, госпожа моя дроттнинг⁷! Не забудьте, что мы собираемся походом вовсе не на хазар, а на их врагов сарацин, которые живут на Хазарском море. Боргар от моего имени клялся в Итиле, что наши люди не тронут в их владениях ни одного козленка. Только на этом условии их главный ярл согласился нас пропустить.

– Хакан-бек Аарон, – сильным голосом подсказал Боргар, зрелых лет краснолицый воин.

– И я еще возьму с вас клятву не причинять вреда никому на хазарских землях. – Олав окинул своих людей строгим взглядом. – Торговый мир с хазарами нам нужен по-прежнему, иначе мы не увидим более шелка и серебра, не продадим ни одного бобра без участия Хельги Хитрого.

– Если цесари его не обманут и все же дадут торговый мир, – заметила Сванхейд, намекая, что положение самого Хельги не так уж и надежно.

– Ну а если греки его обманут, для нас окажется еще важнее сохранить мир с хазарами, – без улыбки закончил Олав. – Ведь тогда торги Итиля останутся единственным местом, где можно раздобыть серебро, и для Хельги, и для нас... Так что ты решил, Альмунд, – Олав повернулся к своему сотскому, – когда вы собираетесь устроить свадьбу?

– Сдается мне, это нужно сделать в ближайшие дни, – Альмунд с трудом вернулся мыслями в свой собственный дом из Итиля и Миклагарда. – Раз эта девушка уже у нас, она не может оставаться в нашей семье, не войдя в нее, не то люди подумают, что она все-таки невольница...

– А этого я не допущу! – твердо закончил Свенельд.

* * *

Праздник Зимних Ночей⁸ – наилучшее время для свадеб, когда к конунгу съезжаются гости, закалывают скот, накрывают столы и варят пиво, чтобы весело встретить самую темную, холодную и опасную часть года. Наибольшее внимание и честь ожидали Свенельда – все захотят послушать о том, как он ездил за море, виделся с Сигтрюггом конунгом в Хедебю, ходил на ободритов. А его свадьба станет наилучшим завершением важной поездки – точно как в сказании.

Свадьба Свена была назначена на один из дней празднества, после пира в честь эйнхериев. В коробах с приданым Витиславы имелся наряд, спешно приготовленный для нее матерью в Велиграде – сорочка с вышивкой, красная понева, белая вздевалка, отделанная красным шелком, очелье с золотыми колечками, увенчанными маленькой петелькой, как носили помощники, пришитыми по четыре в ряд с каждой стороны. Но Сванхейд, осмотрев все это, решительно запретила надевать, позволила оставить только кожаные башмачки с красивой вышивкой желтыми и красными нитями.

⁷ Дроттнинг (др.-сканд.) – королева.

⁸ Середина или конец октября.

– Понева! Она будет в этом выглядеть как... чащоба! – подумав, Сванхейд выбрала славянское слово. – А она теперь входит в знатный род, происходящий от датских конунгов! Мы сами ее оденем.

Ульвхильд подарила Витиславе одно из своих платьев (Сванхейд пообещала немедленно сшить падчерице новое, еще лучше), а жених преподнес золоченые узорные застежки, две низки дорогих бус – хрустальных, сердоликовых и стеклянных.

– И очелье свое пусть наденет! – вопреки мнению госпожи, распорядился Свенельд. – Там золото, пусть люди видят, что моя жена не с пустыми руками в дом пришла!

При виде искусно ограненных бусин, округлых и продолговатых, Витислава впервые немного оживилась. До этого она была молчалива, замкнута и почти не поднимала глаз на чужих людей, говоривших на малопонятном ей языке. Наречие ильменских словен отличалось от ободритского, а половина жителей Хольмгарда и вовсе пользовалась северным языком; звучание его напоминало Витиславе лишь о страхе, горе, вечной разлуке с семьей и родным краем. С раннего детства ей внушили мысль о том, что лет в двенадцать-тринадцать она выйдет замуж и, скорее всего, будет жить далеко от дома и родных. Но случилось это уж очень внезапно – еще до того как она надела поневу и стала считаться взрослой, и даже проститься с семьей по обычаю ей не дали.

– Что то есть? – Она осторожно прикоснулась тонким пальчиком к бусинам на ремешке. – Солнечный камень?

– Это называется сердолик! – с видом опытной женщины, повидавшей немало сокровищ, просветила ее Ульвхильд. – Это камень, да.

– Нет, это не янтарь, – поправила Сванхейд, понявшая, что Витислава имеет в виду. – Это другой камень. Он намного крепче и ярче. Его можно огранивать, а не только шлифовать.

– Выглядит как мёд.

– Да, похоже. У вас такого не было?

Витислава помотала головой.

– Только стеклянный, – она показала на несколько стеклянных бусин на той же низке, желтых и зеленых.

– А у нас этого полным-полно! – похвалилась Ульвхильд. – Привозят с Хазарского моря. Знаешь, где оно?

– Ни, – Витислава качнула головой.

– Это очень, о-чень далеко! – протянула Ульвхильд. – Туда ездят год в одну сторону и год обратно. Сначала от нас на юг до самого Киева – это целых два месяца, если повезет и все пройдет хорошо. Оттуда поворачивают через разные земли, которые раньше были подвластны хазарам, а теперь – Хельги Хитрому, и по рекам и через переволоки до земель самих хазар. Наши люди ездят до города Саркела, а там уже живут хазары и водятся велеблуды. Это все равно что корова, только огромная, длинноногая, без рогов и с горбом на спине. Но до их главного города, Итиля, от Саркела еще далеко, он стоит на Хазарской реке, а она впадает в Хазарское море. А за морем – Серкланд, оттуда привозят вот такие красивые вещи, – она показала на полоску узорного красно-желтого шелка, которым были обшиты края рукавов ее платья. Полоски были узкие, с женский палец, и узор на ткани не получалось разобрать.

– А до Велиграда оттуда совсем другой конец света получается, – добавила Сванхейд. Внучка конунга свеев, старого Бьёрна, она и сама не видала до замужества столько бус из хрусталя и сердолика, сколько здесь, на Волхове. – Неудивительно, если туда их не возят. Но теперь у тебя будут и бусы, и шелка, много серебряных перстней и обручей, – она слегка потрепала Витиславу по худенькому плечу. – Тебе следовало бы радоваться. Ты выходишь за человека хорошего рода... да Свен и сам своего не упустит! Он сходит на сарацин, и потом в красивых платьях и прочих дорогих вещах ты всю жизнь не будешь знать недостатка!

Однако Витислава, не отвечая, опустила голову, и по движению ее плеч Сванхейд поняла, что та снова борется со слезами. Оторванная от матери, всех родных, своего дома, родного края, отданная во власть чужих людей, Витислава не могла утешиться обещанием красивых платьев.

– Не нужно плакать! – строго сказала госпожа Хольмгарда. – Разве тебя не учили, что высокородный человек не должен выдавать своих чувств, особенно если это печаль?

– Моя дорога матко... – полуразборчиво забормотала Витислава.

Ее учили совсем другому – как принято у славян, и горе, и радость изливать в песнях и причитаниях. Особенно по такому поводу, какой выпал ей сейчас, самый важный в жизни всякой женщины. Не думала, не гадала, а налетели злые черные вороны, унесли из родного теплого гнездышка...

– Я, – с выразительной гордостью заявила Ульвхильд, – не буду заливаться слезами, когда меня посадят рядом с будущим мужем.

– Пусть поплачет сейчас, – Сванхейд махнула рукой. – Лучше ей растратить все свои слезы до пира. Свену не сделает чести, если люди будут видеть, что мысль о браке с ним повергает невесту в такое горе!

Ульвхильд хмыкнула. Ее и мачеху разделяло всего десять лет, но Сванхейд была уже взрослой семнадцатилетней девушкой, высокой и крепкой, когда ее три года назад привезли сюда из Уппсалы. Она успела родить двоих детей; первенец-девочка подрастала, родившийся вторым мальчик почти сразу умер, но Сванхейд стойко перенесла эту утрату, вполне обычную для любой жены; через полгода она ожидала еще одно дитя. Нрава Сванхейд была истинно королевского – гордого, повелительного и строгого. С высокими скулами, с очень светлыми бровями и голубыми глазами, немного вздернутым носом и широким ртом, она, как и многие женщины племени свеев, имела в чертах нечто мужское. Однако держалась она так величаво, была так умна и красноречива, так умело управлялась с обширным хозяйством Хольмгарда, что это вполне возмещало нехватку красоты, и Олав мог только благословлять богов, пославших ему такую жену. До свадьбы он ее ни разу не видел, но она оказалась именно такой, какой и должна быть внучка конунгов. Дочь своей предшественницы, покойной Гейрхильд, девочку самоуверенную и избалованную, она держала строго, но не притесняла излишне, и они довольно неплохо ладили.

– Я бы тоже не обрадовалась, если бы меня выдавали за Свена! – надменно бросила Ульвхильд.

– Нечего ее пугать. Слышишь, Вито, он совсем не худший муж. Свен – неплохой человек, – снисходительно заметила Сванхейд, однако во взгляде ее отражалась мысль, что среди сыновей Альмунда есть и получше. – Он будет с тобой добр... я с ним поговорю.

Сванхейд и правда поговорила с женихом. Как госпожа Хольмгарда, она считала своим долгом улаживать все, что требовало улаживания, а к тому же где-то в глубине души понимала: маленькая Витислава, худенькая, бледная, плачущая по ночам от разлуки с матерью, явно не созревшая для брака, тем не менее птица из той же стаи, что и она сама, – дорогостоящая невеста, увезенная за два моря, чтобы дать начало могучему знатному роду.

Выбрать случай Сванхейд удалось только за день до свадьбы – в День эйнхериев. Этот день посвящали воинским состязаниям, а к вечеру готовили пир. Листья уже почти облетели с деревьев, но еще лежали упругими желтыми г루дами на земле; с утра было ясно, а в полдень, когда все собрались на пустыре за кузницами, вдруг натянуло откуда ни возьмись черные тучи и хлынул град. Белые зерна с шумом стучали по палой листве, а меж тучами падали солнечные лучи, оттеняя краски. Прячась под навесами у домов, держа над головой плащи и щиты, люди смотрели, как солнце золотит голубые, серые, белые от облаков участки неба, желтую и багряную листву, и смеялись под треск града по дереву и по земле. Сами боги, видно, при-

бираются в палатах, разом выметая все лишнее за порог, и плененное солнце рвется на волю через приоткрытую дверь.

Весь день Сванхейд могла лишь издали наблюдать за мужчинами, и вовсе не Свенельд чаще всего притягивал ее взгляд. Куда больше ей хотелось смотреть на кое-кого другого, а о Свенельде она порой вовсе забывала. Лишь когда состязания закончились и вся толпа повалила с пустыря за кузницами к воротам городца, она вспомнила о своем деле и огляделась, выискивая Свена.

Он шел шагах в десяти позади Олава с семейством, между обоими братьями. Эти трое были лишь отдаленно схожи меж собой, и в то же время всякий легко признал бы в них близких родичей. Годред был самым высоким; с широкими плечами, длинными руками и ногами, размашистыми движениями, он выделялся статью среди людей. Собой он был менее хорош, чем Свен: тяжеловесные черты, небольшие глаза, густые русые брови. Младший, шестнадцатилетний Велерад, внешне удался в материнскую родню; лицо у него было более округлое, черты тоньше, чем у старших, выражение дружелюбное и открытое. Только глаза у всех троих были одинаковые – не карие и не серые, а нечто среднее, цвета пыльного желудя.

Двое старших были в кольчугах, с мечами на плечевой перевязи. Щиты они отдали оружным вместе со шлемами, и светло-русая голова Свена оставалась непокрытой.

– Скажи, чтобы подошел ко мне, – Сванхейд сделала служанке знак в его сторону.

– Свень, госпожа? – неуверенно уточнила Нежка.

– О боги, ну а кто!

Девка отвела глаза и скользнула назад, чтобы сыновья Альмунда могли ее догнать. Сванхейд неспешным шагом продолжала путь, думая с досадой: а к кому Нежка отнесла ее слова?

Олав с дочерью ушел вперед, а Сванхейд, сделав знак в сторону поварни – дескать, у меня дела, – отстала от них.

У дверей поварни обернувшись, Сванхейд снова увидела Свенельда, а перед ним Нежанку, спешившую вернуться к госпоже. Вот он подошел – обнаженная шея в поту, несмотря на прохладу первых зимних вечеров, на носу краснеет ссадина, а на кисти левой руки, которой он при виде госпожи попытался привести в порядок растрепанные волосы, мелькнуло багровое пятно – «щитовая язва», что всегда появляется после упражнений с щитом, а с таких рук, как у Свена, почти и не сходит.

– Ты звала, госпожа?

У Свена уже в двадцать лет было такое лицо, которое не приспособлено для легких улыбок – отчетливо продолговатое, немного вдавленное у висков, заметно сужавшееся к подбородку, с высокими скулами, с чертами довольно правильными, но жесткими, с суровой складкой ярких губ. Если смотреть в лицо прямо, то он казался несколько старше своих двадцати лет, но если глянуть сбоку, то черты с безупречно прямым носом смягчались и делалось видно, что он еще довольно юн. Почти такой же рослый, как старший брат, он имел более соразмерное сложение и красивые кисти рук. Брови были светлее волос и выделялись больше потому, что за лето Свенельд сильно загорел в походе. Но улыбка мелькнула в его глубоко посаженных глазах: ему льстило внимание госпожи, хоть он и догадывался, чем оно вызвано.

Сванхейд слегка растянула губы: так она выражала подданным свое благоволение, хотя глаза ее не улыбались. На первый взгляд трудно было поверить, что эти двое ровесники: Сванхейд держалась так величаво, так уверенно свысока смотрела на мужчину выше ее ростом, будто прожила на свете не двадцать, а все сорок лет.

– Рада видеть, что ты вышел с поля невредим. Получить увечье перед свадьбой – дурная примета. Когда мой брат женился, он тоже за день до свадьбы решил поразмяться с хирдманами. Невеста, йомфру Сигрид, ему сказала: будь осторожен, а то еще сломают тебе руку... И он возвращается в дом с правой рукой, увязанной в лубки. Свадьба-то состоялась, но боюсь, потом он действовал не очень ловко.

Свенельд ухмыльнулся: дескать, бывают у людей незадачи.

– Не желаю тебе никакого вреда, – продолжала Сванхейд, краем глаза отслеживая, чтобы никто из сновавших по двору гостей и челяди, видевших их беседу, не подошел достаточно близко, чтобы ее подслушать, – но если бы ты и получил какое-нибудь незначительное, легко исцелимое увечье, это было бы хорошим предложением... отложить некоторое дело...

– Какое дело, госпожа? – уже без улыбки спросил Свен.

– Ты понимаешь, что твоя невеста – еще дитя? Если бы не ты, на нее надели бы поневу через год, а то и два. Если ты в самом деле сделаешь ее женой, она может от этого заболеть и перестанет расти. Тебе придется всю жизнь искать ее где-то под локтем.

Свен отвернулся, подавляя досадливый вздох. Он и сам понимал, что для настоящего брака Витислава мала, но не знал, как поступить. Ведь если свадьба назначена, все должно идти своим чередом. Свадебное пиво, танцы, подарки, провожание молодых с факелами к постели, потом утренний дар молодой жене... Если нарушить порядок, брак утратит законность.

– Слава асам, я настояла, чтобы свадьбу справляли по нашим обычаям, а не как хотела твоя мать, – продолжала Сванхейд. – По словенским обрядам, тебе пришлось бы наутро показывать постель и сорочку – правда ли свершилось «что надо», – по-славянски выговорила она. За три года жизни в Хольмгарде Сванхейд вполне сносно овладела языком славян, но сейчас говорила со Свенельдом, как и с другими домочадцами-варягами, на северном языке. – Ничего показывать тебе не придется. И никто не будет ждать, чтобы дети начали появляться прямо сразу. Уже сейчас видно, что она узко сложена. Такие и в зрелом возрасте рожают тяжело. Если она в ранние годы забеременеет, то умрет и не сумеет родить тех знатных детей, которых ты так ждешь, и твой успех пропадет понапрасну. Ты умно поступишь, если дашь ей время созреть. Даже славяне говорят – «недозрелую калинушку нельзя заломать», а уж они своим дочерям дома засиживаться не дают. Эта калина – совсем зеленая. Если ее сейчас сломать, она не оправится.

Свенельд еще раз глубоко вздохнул, глядя в сторону. Не то чтобы он с нетерпением ждал брачных удовольствий от завтрашней ночи, но чувствовал себя неловко от разговора об этом деле с самой княгиней.

– Я пойду, госпожа? – вымолвил он, видя, что Сванхейд все сказала и молчит.

– Ступай.

Она развернулась и скрылась в поварне, не дожидаясь его прощального поклона.

* * *

Радонега все же настояла, чтобы брачную ночь молодые проводили на ложе из сорока ржаных снопов, а то вовсе счастья-доли не будет. На пиру юная невеста сидела в середине женского стола, на самом почетном месте, между Сванхейд и ее падчерицей. Без многослойных шерстяных накидок она казалась совсем ребенком – ее макушка не доставала Свену до плеча. По четыре золотых колечка с каждой стороны очелья сверкали, придавая ее нежному детскому лицу сходство с солнцем; красивое взрослое платье, волосы, завязанные, по варяжскому обычаю, узлом на затылке, делали ее похожей на драгоценную фигурку богини, весенне-юной девы и благородной госпожи одновременно.

Когда после пира Свенельда с его «молодой княгиней» проводили к двери клетки, он запустил внутрь дрожащую, как осиновый лист, измученную усталостью, страхом и неизвестностью Витиславу и кивнул туда же ее двум служанкам: помогайте госпоже. Не обращая ни на кого внимания, постоял, расстегнув кафтан и подставив разгоряченную пиром голову осеннему влажному ветру с первыми снежинками. Оба брата стояли от него по бокам, на случай если придется унимать не в меру расшалившихся гостей. Готред слегка дергал краем рта: ему было и смешно, что брат женится на существе ребенке, и где-то досадно, что Свенька, двумя годами

моложе, женился первым и к тому же на такой дорогой невесте. Придется изрядно потрудиться, чтобы найти не хуже. Раньше Годред не особо задумывался о женитьбе, но с этого дня поневоле начал считать ее своим долгом.

Наконец служанки вышли наружу и поклонились. Свенельд благодарно кивнул обоим братьям, вошел в клеть и плотно закрыл дверь.

Внутри горело несколько глиняных светильников с плавающими в конопляном масле пеньковыми фитилями. Они были рядом поставлены на большой ларь возле лежанки из снопов, освещая это пышное ложе и крошечную на нем фигурку невесты в белой сорочке. Красное очелье с восемью золотыми кольцами было разложено на том же ларе и тускло мерцало, как знак ее высокого достоинства, но вместе с ним ее покинуло и всякое сходство со взрослой девой. Без дорогих уборов, с тонкими прядями пушистых волос, Витислава стала тем, кем и была – испуганным, усталым одиноким ребенком. Она смотрела куда-то в полутьму перед собой и не перевела глаз на своего мужа, даже когда он остановился возле нее. Наступало то, что называется «взрослая жизнь», но Витислава чувствовала себя настолько далекой от этой жизни, что была в полной растерянности.

– Вито! – вполголоса окликнул ее Свенельд.

Приученная повиноваться девочка медленно повернула к нему голову, но глаз так и не подняла.

– Посмотри на меня.

Наконец Свен увидел ее глаза: душа как будто не здесь. Двадцатилетний муж, и в самом деле взрослый мужчина, Витиславе казался существом другой породы, из волотов, наверное. Рослый, сильный, с грубоватым, не улыбчивым лицом, не очень разговорчивый, он почти не общался с ней по пути через море и Волхов. Она знала одно: муж – это тот, кто скоро приходит к всякой подростковой девочке и получает власть над ее судьбой. Но перед этим девочка становится девушкой, а сама Витислава не успела стать равной взрослому мужчине, она оставалась в детях, и оттого между нею и Свеном зияла пропасть. Свадьба – то, чего все девушки так ждут, – оказалась настоящей бедой. И от мысли, что эта беда оторвала ее от родных и забросила в такую немыслимую даль, в круг чужих людей, чужого языка, облика и обычая, и никогда уж ей не будет возврата к прежнему, на глаза снова и снова просились слезы.

– Послушай, – Свен провел рукой по волосам и осторожно сел на лежанку. Заскрипела свежая солома. – Я тебе сейчас... сказку расскажу. Был один такой человек, его звали Сигурд. И был у него побратим, его звали Гуннар. Этот Гуннар знал, что на свете есть одна дева невиданной красоты, но только достать ее трудно – спит она на высокой горе, а вокруг нее пламя палючее пылает.

Глянув на супругу, он обнаружил, что она повернулась к нему и слушает. Свен говорил по-славянски, медленно и внятно, чтобы ей было легче понимать. Сказка – это то, к чему Витислава привыкла, сказки ей рассказывал и старший брат, и отец, и другие старики. Между нею и загадочным мужем-великаном началось что-то понятное ей, и стало легче. Может, замуж – это не так уж страшно? Рабыни говорили, что она должна не противиться ему и потерпеть. Если только слушать – это она сможет.

– Огонь... на горе?

– Йа. – Ей надо было привыкать и к северному языку тоже. – И достать до той горы мог только такой человек, кто страха не ведает. Пробовал Гуннар – не сумел проехать. Попросил тогда Сигурда: проскачи, сказал, через пламя, добудь мне невесту. Тот согласился. Сотворили они такие чары, чтобы Сигурд стал на вид точь-в-точь как Гуннар, чтобы не знать никому, что это не он. Проскакал Сигурд сквозь пламя – и вот он на горе. Разбудил эту девицу и говорит: я Гуннар, беру тебя в жены. Она согласилась. Вот ложатся они спать, а Сигурд берет свой меч и кладет между ними, чтобы... – Свен запнулся, не зная, как объяснить девочке то, что для

такого, как он, в объяснениях не нуждалось. – Чтобы не обнимать ее, а то будет чести друга его урон. Так они и спали ночью, а меч острый между ними лежал.

– А потом? – донесся до него тонкий, тихий, но полный живого чувства голосок его жены.

– А затем увез ее Сигурд с горы и Гуннару вручил. Она не прознала, что с ней на горе другой был. Стали они жить-поживать... и добра наживать.

Свен подавил вздох, беря на совесть, что переврал сказание, сложенное вовсе не о добре и счастье. Но зачем ей все это сейчас? Узнает еще, как горька и губительна бывает любовь. Дайте боги, чтоб не по себе.

– И мы так же сотворим.

Не то чтобы Свен опасался искушения – из этой малявки жена, как из поросенка кормчий. Он и сам, честно говоря, удивился, когда разглядел ее как следует – на берегу Травы, возле кораблей, куда примчал свою добычу на том самом коне, на каком она объезжала священную рощу. Удивился – это еще мягко сказано. До того он лишь мельком отметил, что красавица на белом коне как-то мала ростом, но девки ведь разные бывают, а думать об этом поначалу было некогда.

Ничего. Еще вырастет, и все у нее будет, как у всякой женщины. Ну а пока, раз уж у него брачная ночь не как у людей, так пусть будет как в саге!

Свенельд поднялся, снял с плеча перевязь, вынул из ножен дорогой меч-корляг. Посеребренное навершие в виде шапочки из трех долей, такое же посеребренное перекрестье было украшено простым узором из кусочков тонкой золотой проволоки, похожим на рисунок медовых сот. Витислава как зачарованная следила за тем, как в движении блестит при огнях светильников серебро отделки и черновато-серая сталь клинка. Она еще не избавилась от привычного в ее краях ужаса перед данами и их мечами, и все происходящее было как во сне. Захватывало дух, изнутри обдавало то холодом, то жаром. Так вот в чем дело! Она должна вытерпеть ночь рядом со страшным мечом, и тогда... она станет взрослой.

– Пусть лежит здесь, – Свен положил обнаженный меч на одеяло, сбоку от Витиславы. – Ты шевелись осторожнее. Он будто змей тебя сторожить станет.

Через одеяло девочка не могла порезаться, но у Свена и самого слегка занимался дух от вида обнаженного корляга на брачной постели. Конечно, он хотел сравняться доблестью с Сигурдом Убийцей Дракона, но предпочел бы начать с какого-нибудь другого подвига. Но уж что выпало, за то и берись.

– То такой звычай?

– Звы... обычай такой, да, – Свен важно кивнул, ощущая себя лжецом, но в то же время зная, что все делает правильно.

Он снял кафтан, разулся, осторожно лег на одеяло в сорочке и портах, накрылся кафтаном и вытянулся. Приподнялся, задул два светильника, оставил один на всякий случай.

– Спи, – тоном законного мужа и господина велел он Витиславе.

Хотя чувствовал себя скорее как тот, кто неожиданно-негаданно стал отцом.

– И ты спий, – долетел ответ, произнесенный голосом, похожим на нежный звон серебряных подвесок. – Добра ночь.

Свен закрыл глаза. От выпитого меда слегка шумело в голове. Не забыть про меч под боком, внушал он себе, чтоб самому не порезаться.

Вот и кончился один из самых важных дней в его жизни. Ни в семье, ни в дружине Свена не считали большим мудрецом – первое место всегда и во всем принадлежало Годреду, – но он не был склонен относиться к важным вещам легкомысленно. Кажется, с этим делом он дров не наломал. Само собой, в брачную ночь бывают занятия повеселее, чем сказки жене рассказывать. «В «криночки» поиграть», – вспомнилась Годредова насмешка в день приезда. А вот ётун тебе в корму! Свен втайне гордился тем, что способен смотреть на годы вперед. Подумаешь, одна ночь! С кем спать – найдется, этого добра и без женитьбы хватает. А за эту

козявку он не просто так пять взрослых девок отдал и священного Перунова коня в придачу. Это мать его будущих детей, что будут правнуками князей и конунгов с обеих сторон.

Можно дать мечу имя в память этой ночи, думал Свенельд, уже в полусне. Страж... Страж Валькирии... Люди не поймут, что за имя такое... А и нечего в чужие дела соваться. Вот детям он, может быть, расскажет об этой ночи, когда подрастут и поумнеют. Важно, чтобы до их рождения будущая мать сама выросла и как следует окрепла, иначе что это будут за дети? Цыплята!

Ну и чтобы она не возненавидела его, как Брюнхильд возненавидела Сигурда за ту ночь с мечом в постели...

Глава 2

– Твоей жене нужен кожух хороший, – сказала Свенельду мать незадолго до йоля.

За два месяца Радонега привыкла, что внезапно и почти без своего участия сделалась свекровью, и уже без улыбки произносила «твоя жена», имея в виду Витяшу. Другая бы попеклась Свенельду – у добрых людей мать сыну жену выбирает, – да он, осляда⁹ этакая, привез такую, что лучше по всей земле словенской не сыщешь. «Что мала – так даже лучше, если рассудить: сами вырастим и выучим, как надо, – рассуждала она с мужем. – А то приехала бы этакая куница, как Улька, ломливая вся и неповадливая, наплакались бы с ней».

– Так она же навезла там с собой разного... – Свенельд нахмурился, вспоминая короба и укладки с приданым.

– На серой веверице у ней кожушок. Пока девчонкой бегала, было впору, а по-хорошему приданое собрать ты ей не дал! – Мать усмехнулась. – Да и холодов таких, она говорит, не бывало у них. А тут ее Улька гулять зовет, на санях кататься, а я не пускаю – замерзнет в своем, а в моих утонет. Та-то гуляет, что твоя княгиня, в куницах да в щипаном бобре!

– И нам надо бобра щипаного! – вскинулся Свен. – С чего нам Ульке уступать! Есть у нас, из чего сшить? Или покупать будем?

– Рано ей бобра! – Радонега засмеялась. – С горки кататься – истаскает. И вырастет скоро. Через год-другой, как созреет, вот и пойдет расти! Не поспеешь сорочки шить.

– А ну и что? Истаскает – еще сошьем! А вырастет – надставим. Или я бобров не достану? Сейчас в дань пойду – привезу. Доли моей не хватит – на серебро куплю.

– Не дури! – одернула его мать. – Куда в куницах с горки кататься! И серебро побереги, тебе еще хозяйство заводить. Лисиц есть полсорочка, ей как раз хватит. А там справим получше, как из этого вырастет.

По своему происхождению Витислава имела право носить меха, предназначенные для людей королевского рода, – куницу, щипаного бобра, даже соболя, которого изредка, раз в несколько лет, привозили из далеких лесов на северо-востоке, из земель югры. В тех краях никто из людей Олава не бывал – путь туда лежал через страну болгар, а те не допускали чужаков к торговле таким дорогим товаром. Зато куниц, бобров, лисиц рыжих и черных достать было нетрудно – этими шкурками собиралась для Олава дань с чуди, веси, мере. Свенельд с четырнадцати лет участвовал в этих походах, и его дорожный коряг, с недавних пор носивший имя Страж Валькирии, был лишь наполовину подарен отцом, а наполовину оплачен из его собственной доли с тех сборов. Раздобыв жену княжеского рода, он с обычной своей дотошностью следил, чтобы она получала все, на что имеет право. Чтобы она, став взрослой, никогда не упрекала его в том, что он-де ее обездолил, из дома против воли увезя. Знатная женщина и в замужестве сохраняет право на защиту родной семьи, но такого, чтобы велиградская родня Витиславы явилась проверять, не обижают ли дочь в семье мужа, едва ли стоило когда-нибудь ждать. Поневоле сделавшись для юной супруги единственной опорой, Свен еще больше стремился не дать ей и самому себе повода для упрека.

– Ну... – упрямо набычившись, Свенельд подумал немного. – Надо сделать два кожуха: один на горке валяться, другой в хорошие люди выйти. Вот будет йоль, приедут гости, и варяжские, и словенские, и люботешские, и будгоцские – все приедут, а моей жене, княгине родом, выйти не в чем!

Радонега поддразнивала среднего сына, что-де сидит и смотрит на жену, как на едва проклюнувшийся гриб, мысленно подгоняя расти поскорее. На самом деле сидеть и смотреть Свенельду было особо некогда. Деда Олава утвердились сперва в Ладоге, а потом в Хольм-

⁹ Осляда – жердь, дубина.

гарде более ста лет назад; благодаря их упорству и доблести он теперь собирал дань с весьма обширной земли, от Луги на западе до Неро-озера и Огды-реки на востоке. Для объезда одной только восточной части владений требовалось месяца три-четыре. Путь от Хольмгарда до Ваугед-озера, или до Огды и Южных Долин растягивался переходов на двадцать, да столько же обратно. К тому надо прибавить разъезды на местах и всякие дорожные сложности, и эти дела занимали всю вторую половину зимы – от йоля до равноденствия, пока сохранялся санный путь.

Чтобы управляться с такими просторами, Олав держал постоянную дружину из семи-восьми десятков человек, а для зимних объездов еще нанимал людей из словен – до сотни. Его хирдманы (по-славянски называемые отроками) по большей части жили в двух дружинных домах в Хольмгарде, на хозяйском дворе. Иные, имеющие средства завести свое хозяйство, женились и ставили избы на посадке, который постепенно рос южнее крепости, между нею и протокой.

Альмундов двор был внутри городца, неподалеку от княжьего. Предполагалось, что к женитьбе сыновей им будет поставлено свое жилье, но у Свенельда после свадьбы все осталось почти по-старому. Юная «княгиня» вести хозяйство пока не могла, а он сам слишком мало времени проводил дома. Альмунд, правда, заказал нарубить зимой леса для будущего строительства, но пока Свен по-прежнему жил в родительской избе и спал на полатах с братьями, а Витяна обитала в девичьей, вместе с женской челядью и своими служанками, и жила так, будто поступила в дочери к Радонеге. Своего мужа она видела редко, только за столом, и то когда Свен бывал дома. Время она проводила по большей части со свекровью, та обучала ее вести хозяйство, как это принято в здешних местах. Из рукоделья Витислава знала не больше, чем любая девочка, – только прясть, шить, ткать пояса и тесьму на бердышке. До настоящего ткацкого стана она еще не доросла, а ведь не умеющая ткать, как считается, и детей иметь не может¹⁰.

Со временем Витислава немного приободрилась и уже не так боялась чужих людей, к которым ее забросила недобрая судьба. Лишь вечерами, бывало, она сидела за прялкой, глядя в полутьму, и тогда в глазах ее проступало прежнее отчаяние, а в складке губ появлялась совсем не детская горечь, и от этого она делалась старше на вид, оставаясь такой же маленькой. Шли дни, недели, месяцы, а этот дурной сон все не кончался, потрясение потихоньку сменялось привычкой к мысли, что былого не вернуть, но от этого становилось лишь тяжелее на сердце. Она была достаточно взрослой, чтобы понять суть произошедших перемен, но слишком незрелой, чтобы иметь силы с ними справиться.

Даже Радонеге не могла решить, на какие супрядки невестку посылать: и среди настоящих взрослых молодых, и среди девочек-ровесниц та была чужой. Поэтому выпадавшие досуги, особенно вечерние, Витислава отдавала Ульвхильд. Та все же признала «малышку» достойной подругой: невысокая, телом еще ребенок, Витислава считалась замужней женщиной и с утра после свадьбы носила на голове белое покрывало, под которым были уложены пушистые светлые волосы, заплетенные в косы. Вот коса у нее с восьми лет была на зависть многим взрослым – длиной до пояса и в ее руку толщиной. Вид этой маленькой госпожи, скромно и величаво проходящей по двору, трогал сердца; одни улыбались ей вслед, другие вздыхали. По вечерам они с Ульвхильд пряли и шили, вместе сидя в девичьей или в гриднице у Сванхейд, а по утрам, если была хорошая погода, гуляли над Волховом. Их разделяло около двух лет, но это были именно те годы, когда девчонка обращается в деву, и разница бросалась в глаза. Ульвхильд была заметно выше, тонка в поясе, и растущая грудь уже проступала под платьем. С ярким румянцем, с бойким блеском в глазах и вызывающим взглядом, она смотрелась юной женщи-

¹⁰ Интересная особенность народного сознания, отмеченная этнографами: именно сексуальная зрелость невесты ставилась в прямую зависимость от ее умения ткать. Связано убеждением в общей основе процессов сотворения – ткани либо детей.

ной, а Витислава казалась рядом с ней еще моложе, чем была. Глядя на нее, Ульвхильд испытывала и тайную зависть – у юных дев чем раньше выйдешь замуж, тем больше чести, – и чувство превосходства: ее жених будет не десятским на сборе дани! Он будет господином, которому привозят дань со всех сторон!

– Моя матушка раньше говорила, что я тоже выйду за князя, – рассказывала ей Витислава. – Моя сестра Радмила замужем за князем вагров. А Бальдруна – за одним человеком у саксов, он не князь, но тоже никому не платит дань.

– Почему ее зовут варяжским именем? – удивилась Ульвхильд. – У вас разве тоже есть варяги?

– Там есть даны, но мы с ними почти никогда не роднимся. А это саксонское имя. Так звали нашу прабабку. А Мистина – это мой старший брат – женат на девушке из франков. Ее зовут Тусинда. Ее отец – граф, это все равно что князь. Она хорошая...

– Франки же христиане, – не поверила Ульвхильд.

– Мистина... тоже христианин, – поколебавшись, вымолвила Витислава. – Иначе, вестимо, ее бы за него не выдали. Но он это держит в тайне, иначе наши люди огневаются. У нас с ним одна мать, а с Рункой и Радкой – разные. Их мать давно умерла. Мистина давно уже взрослый, как Св... Свен.

Витислава как будто опасалась произносить имя мужа. Он ее не обижал, и страха перед ним она не испытывала, только робость, но ее смущала мысль о том, что она крепко связана с таким человеком, с каким у нее нет совсем ничего общего. Когда свадебный пир отошел в прошлое, Свен почти перестал обращать на нее внимание; с девочкой ему было не о чем говорить и в ближайшие несколько лет было незачем о ней думать. Даже с Велерадом она сблизилась сильнее. Шестнадцатилетний парень, более дружелюбный и общительный, всегда тайком жалел, что боги не послали им сестер, и теперь охотно рассказывал Вито разные байки и позволял смотреть, как он режет что-нибудь из дерева или кости: этому искусству его обучили родичи матери в Ладогe. В нем и в Радонеге Витислава скорее нашла некую замену потерянным родным, чем в законном муже.

– После него, – Витислава имела в виду своего брата, – у матушки были еще детки, и братики, и сестрички, но их всех забрала Марена еще маленькими. Потом родилась я, и я была последняя, и меня не забрала. Мы с Мистиной были вдвоем. Матушка говорила, боги защитили первого и последнего. Он всегда меня любил, и я его тоже. Всегда скучала по нему, если он куда-то уезжал. И просила, чтобы он брал меня с собой, если можно.

Она замолчала, вспоминая, к чему это привело. Матушка бранила ее за непоседливость, что вечно норовит увязаться за взрослым братом. Детей пугают: не шали, а то даны заберут. Правду, выходит, говорили... Даны налетели как снег на голову – шествие двигалось вокруг священной рощи, две девушки вели коня, на котором сидела Витислава в пышном венке Живы... Вдруг все замолчали, а вместо пения раздался дикий крик и вой – какие-то чужие люди мчались к ним от реки. Поначалу замерев от изумления, потом все опомнились и стали разбегаться. Коня уже никто не держал, он заволновался, и Витислава изо всех сил вцепилась в поводья, чтобы не упасть. Потом конь шарахнулся, она закричала; рядом возник некто огромный, незнакомый, страшный. В прыжке поймав поводья, он одной рукой выдернул ее из седла, вскочил в него сам, подтянул ее и положил перед собой, и они бешено помчались по луку к реке, через беготню и крики... Она даже не разглядела, кто ее схватил, и потом, когда уже сидела на берегу возле кораблей, среди прочих девок, связанных их собственными поясами, не смогла бы отличить его от прочих данов. Позднее другие пленницы ей рассказали, как он дрался с двумя другими из своих за то, чтобы оставить ее себе, а она и не понимала, что происходит... Кое-кто из тех девушек отправился обратно домой – их отвели к Мистине, а ее почему-то нет. Она еще долго не могла понять, почему ее неволя должна была стать выкупом их свободы.

– У меня тоже есть брат, – заметила Ульвхильд.

– Тот, которого забрала Марена? – Витислава уже кое-что знала о прошлом конунговой семьи.

– Нет, тот был чадо Сванхейд, а то мой родной брат. У моей матушки тоже есть сын. Он родился в Киеве, мы тогда жили там. Моя матушка из Киева родом. А потом, когда умер дед Хакон, мы приехали сюда, а Харальд остался. Он в тальбе.

– Что это?

– Это когда два князя посылают друг другу своих наследников в залог мира и дружбы. Видела Грима? Он – таль у нас от Хельги киевского. А Харальд – таль от нас у Хельги в Киеве.

– Скучаешь по нему?

Ульвхильд изогнула губы, не зная, что сказать. Когда Олав с семьей покинул Киев, Ульвхильд было два года отроду, а ее брату – только год.

– После нового лета ему придет пора получать меч, – это было почти единственное, что она о нем знала. – Отец говорил, что нужно послать для этого людей. Он, Харальд, станет мужчиной. Наверное, еще лет через пять его там женят, как моего отца. А ты по твоему брату скучаешь?

Витислава только вздохнула. Она была достаточно взрослой, чтобы хорошо понимать, какой оборот приняла ее судьба: забросила за тридевять земель, за пару месяцев пути от дома, и родных своих ей увидеть почти так же невозможно, как умерших. Полгода спустя ей и правда уже казалось, что они умерли – такими далекими и расплывчатыми виделись когда-то знакомые лица. Она привязалась к Радонеге, да и Альмунд всегда был с ней добр и часто забавлял рассказами, но при мысли об отце, матери, брате и сейчас еще щемило в груди, и сердечная боль выжимала слезы.

Ульвхильд многозначительно сморщила губы: у нее мелькнуло опасение, что ей предстоит то же самое. Уж конечно, в Люботеш или Словенск, что через реку, отец ее не выдаст. Когда случится то, чего она ждет, ей тоже предстоит дорога на другой край света.

Хотелось бы еще знать – в какой стороне света будет тот край?

* * *

Главный зимний праздник Йоль в Хольмгарде отмечали дважды. По старинному обычаю Северных Стран он приходился на три ночи полнолуния после самой долгой ночи года. Но за поколения жизни среди славян русы переняли их обычай отмечать жертвоприношениями и пирами сам Карачун-солоневорот, поэтому теперь «пить Йоль» принимались дважды: сначала приходил «новый Йоль», а потом «старый Йоль»¹¹. На «новый Йоль» Олав объезжал Ильмень-озеро, пировал в каждом из городцов, что платили ему дань. Из них большинство было населено старыми словенскими родами, уже лет триста-четыре сидевшими в этих местах, а два – варягами, в числе коих был и родной брат Олава Ветурлиди с многочисленным семейством. На «старый Йоль» все окрестные старейшины и малые князья съезжались на угощение к Олаву в Хольмгард. Многие видели юную жену Свенельда на осенних пирах, но всем хотелось поглядеть на нее теперь, после нескольких месяцев замужества. Повесть об этой удивительной женитьбе уже разошлась вокруг на много дней пути, на лету превращаясь в сказание. Несозревшая девочка, добытая за тридевять земель, так дорого выкупленная, осыпанная почестями жены и хозяйки в знатном роду, в глазах людей была окружена божественным сиянием, и люди жаждали увидеть это диво, как если бы Свенельд исхитрился снять звезду с неба.

В последний день «нового Йоля» Олав снова отправился с дружиной в святилище – оно было устроено на небольшом возвышении берега, у северной протоки, петлей огибавшей Хольмгард, – и принес жертвы богам за благополучный зимний объезд. Сванхейд окропила

¹¹ В зависимости от даты полнолуния, примерно третья неделя января.

жертвенной кровью всех хирдманов, кому предстояло отправиться в дальний путь за данью. Когда мужчины вернулись с пира домой, Витислава вскрикнула от испуга: их лица, руки, волосы, одежда на плечах и груди были в темных брызгах засохшей крови.

– Не бойся! – успокоил ее Альмунд. – Ничего страшного не случилось. Конунг зарезал черного барашка, а госпожа дротнинг обрызгала людей его священной кровью, чтобы к ним в пути не могло пристать никакое зло: ни вражда мужчин, ни колдовство женщин. Теперь боги и дисы будут хранить их от стрелы, копья и другого оружия, отгонять болезни, сильные холода и всякие дорожные неудачи. А наша хамингья, сытая этой кровью, не сомкнет глаз ни на миг и принесет нам успех и богатство.

– Хами... кто это?

Родным языком Альмунда был датский, а его сыновья от славянки Радонегии с детства знали оба языка одинаково хорошо. В семье часто употребляли датские слова; поначалу Витислава из-за этого не понимала почти ничего, потом привыкла к здешнему выговору и начала, с помощью свекрови, и северные слова запоминать по одному.

– Хамингья – это дух-помощник благородного человека, такого, как мы – потомки Халльмунда Старого, – охотно пояснил ей свекор, пьяный после пира, но вполне добродушный. Его сыновья уже сняли кафтаны и умывались у лохани, смывая красные пятна. – Хамингья – это наша удача, она приносит успех в делах и отгоняет зло. Но она приходит только к тем, кто сам ищет себе славного дела. К тому, кто сидит всю жизнь дома, она и не заглянет.

Витислава задумалась, пытаясь представить эту хамингью. Так варяги называют добрую суденицу? Мысленно она рисовала себе рослую женщину в белой одежде, внушительного облика, только неприятно было видеть ее ладони, красные от свежей крови.

– Ты идешь на войну? – спросила она Свенельда, когда он отошел от лохани, концом длинного рушника вытирая мокрые волосы. От движения глухо позвякивали железные подвески-обереги на железной же гривне из перекрученного прута – такие здесь носили многие местные варяги и свеи.

– Надеюсь, что нет, – ответил он из-под рушника. – Мы пойдем в дань. Собирать для конунга меха и все прочее, чтобы потом продать хазарам и получить много серебра. Воевать мы ни с кем не собираемся, если на нас не нападут. У нас мир с теми землями, куда мы пойдем. Еще со времен Хакона конунга – не того, который отец Олава, а того, что был до него... ну, очень давно.

– А скоро ты уйдешь? – Витислава наконец осознала, что в их домашнем укладе намечаются значительные перемены.

– Дней через пять-шесть, как все товары подвезут и купцы соберутся. Из Ладogi еще обоз ждем.

– Тебя долго не будет?

– До самой весны.

«Успеешь соскучиться», – хотел Свен добавить, но не стал: едва ли она станет о нем скучать. Скорее вообще позабудет за этот срок, что у нее где-то есть муж!

– Привезу тебе красивых куниц, – пообещал он, потому что из странствий полагается что-нибудь привозить женам в подарок, – если... будешь матушку слушаться.

Он чуть не сказал «будешь себя хорошо вести», но самому было неловко обращаться с Витиславой как с ребенком. Все-таки это его жена, покрывало носит. Но только скорее бы уж она росла! А то и не знаешь, как быть с ней. Когда поуспокоилась гордость летним подвигом, Свену стало казаться, будто у них с братьями вдруг обнаружилась младшая сестра. И что с ней делать – не в «криночки» же играть!

– Это опасно?

– Моя удача сильнее опасности. Мы же от Халльмунда Старого исходим, а он был из рода конунгов, – снова начал объяснять Свенельд.

Он уже рассказывал об этом и Мистиславу, и самой Витиславе, но понимал, что незнакомые имена живо испарились из памяти девочки. В глубине души ему было приятно, что она проявляет к нему участие. Беспокоится. Случись с ним беда какая – с ней что станет? Овдовевает прямо из невест. Само собой, Радонега ей пропасть не даст – за такую знатную невесту, да с приданым, женихи передерутся. Подумав об этом, Свенельд невольно разозлился на этих женихов – слетелись уже, воронье! А ётун вам в корму, не дождетесь!

– Я когда родился, матушке нагадали, что у меня жизнь будет долгая и удача сильная, как у дедов наших. Родовая наша удача у меня есть, потому и с тобой мне так посчастливилось! – Свен улыбнулся, поскольку дочь ободритского князя в его доме как законная жена и служила доказательством его большой удачи.

– Ей-то, бедной, думается, что ей не очень-то посчастливилось! – Радонега взяла Витяну за плечо.

– Чему быть, того не миновать! Так решили наши норны, и я думаю, они желали нам добра. Мы достаточно знатного рода, чтобы удача помогала нам. Но для этого нам самим нужно дело делать, а не на месте сидеть. Тогда от меня удача не уйдет и детям моим достанется. Не бойся за меня. Мы еще внуков увидим! – Свенельд подмигнул Витяне и засмеялся: упоминание о внуках этой девочки казалось шуткой.

Сколько еще до тех внуков!

«Новый Йоль» закончился, и дружина Олава принялась готовиться к ежегодному зимнему походу. Сам он в дань не ходил, рассылая отряды своих людей в разные стороны: на Ваугед-озеро, к тамошней веси, отправлялся Бергфинн, а Свенельд и Велерад – к мере на озеро Неро. При каждом отряде было по три десятка хирдманов. Река Луга и западная часть владений досталась Ветурлиди – тамошнюю дань Олав передал своему брату. Велерад уже два раза бывал в зимнем походе с отцом, и вот пришло ему время приобрести больше собственного опыта. Годред, после летнего похода к хазарам, зиму должен был провести дома, но в былые годы случалось и так, что на всю вторую половину зимы Радонега оставалась дома одна с челядью.

И Альмунд, и все трое сыновей целыми днями были заняты: осматривали лошадей и сани, готовили съестные припасы в дорогу и товар, который предстояло развезти до самых отдаленных уголков. Даже за едой оживленно обсуждали предстоящий путь.

Наконец пришел ладожский обоз – Эйлав ярл прислал ножи, которые чудь и мере охотно брали в обмен на меха. От свеев, давних тамошних жителей, ладожане выучились ковать ножи, которые сами себя затачивали по мере работы, и в Гардах они считались лучше всех прочих. Теперь до выступления в поход оставалось всего два-три дня.

– Ложись теперь спать, а к полуночи я тебя разбужу, пойдем ворожбу творить, – однажды вечером, тайком от мужчин, шепнула Радонега своей юной невестке.

– Ворожбу? – удивилась Витислава.

– Да. В баню пойдем, а там я тебя научу, что делать.

Глухой ночью свекровь осторожно разбудила Витиславу и повела прочь из городка, к протоке. С ними пошла челядинка, Лучинка, средних лет молчаливая худая женщина. Она несла какой-то мешок, откуда, к удивлению Витиславы, торчали палки.

Зевающие дозорные у ворот выпустили трех женщин, ни о чем не спрашивая: понятно, зачем они идут в баню ночью, когда париться нельзя. Витиславе было страшно, и она по дороге крепко держала Радонегу за руку.

– Обожди тут, я сама зайду, у банного хозяина позволения попрошу, – сказала хозяйка, когда они дошли до бани на берегу протоки, за внешним причалом.

Лучинку хозяйка увела с собой, и Витислава осталась одна посреди снеговой тьмы, под стеной темной бани. Замерла, будто мышь, боящаяся привлечь к себе внимание, и казалось, она одна, как луна, посреди пустой черноты. Перед ней была замерзшая, заснеженная протока, дальше такой же заваленный гладким снегом луг, искрящийся острыми звездочками. Справа,

за избами посада, спал подо льдом широкий Волхов. В реке живет огромный ужасный змей – Радонега уже немало ей о нем рассказала. Иногда он заставляет воду в реке течь вспять, не к морю, а из моря, и это значит, что он требует себе жертву – невесту. Радонега знала немало преданий о таких невестах – среди них были и девы из прежних поколений ее собственного рода. Витиславе, как замужней, волховский Ящер не грозил, но она была еще в таком возрасте, когда от подобных рассказов бросает в холод. Снова она ощутила, как далеко от всего привычного занесла ее судьба, но и прежняя жизнь в Велиграде, мать, отец, тамошняя родня и челядь в мыслях отодвинулись так далеко, как если бы все они жили на звездах. От чувства беспрдельного одиночества щемило сердце. И никакого просвета впереди! Витислава знала, что она здесь теперь навсегда, что положение ее не изменится. Но не понимала еще, что со временем изменится она сама и станет куда лучше подходить к своей новой жизни. Знание это утешило бы ее, но оно из тех, что приходят лишь с опытом перемен и превратностей.

Но вот дверь скрипнула, наружу высунулась Лучинка:

– Иди, кличет госпожа.

Витислава боязливо шагнула в баню: ночью банный дух опасен, тем более для такой как она – чужачки. На сердце веяло холодом, в каждом углу темнота казалась живой, ждущей... Ни за что бы она не пошла сюда в такую пору по своей воле. Только тепло порадовало – здесь слегка протопили печь-каменку. Витал слабый запах дыма и березовой листвы от веников. Но если снаружи было светло от луны, отраженной в снегах, то в бане стояла глухая тьма.

– Туда, – Лучинка показала ей на приоткрытую дверь самой бани, откуда пробивалось слабое желтоватое мерцание.

Витислава, на шаривая ногами путь перед собой, пробралась ко второй двери, перелезла через порог. За порогом стоял кто-то, огромный, черный и страшный; едва не вскрикнув, Витислава узнала Радонегу и смолчала. Но полегчало ей несильно: сама свекровь в этой темноте, наполненной запахом распаренных трав, выглядела иной, не то что дома. Радонега зажгла светильник, сняла кожух и платок и теперь расплетала косы, будто тоже собиралась мыться. Мелькнула даже мысль: это и есть банный дух, только он принял облик хозяйки. Витислава замерла у двери, сдерживая страх. Дух это или не дух – послушаться и убежать ей все равно не приходило в голову. Оставалось ждать, к чему приведет это ночное приключение.

– Распусти волосы, – велела Радонега.

Дрожащими руками Витислава стала распутывать платок: с семи лет девочка распускает волосы только в бане и чтобы причесаться. Казалось, она все катится и катится в черную пропасть, вокруг все темнее, страшнее и непонятнее, но спасения ждать не от кого. С удивлением она вдруг заметила, что на банной скамье стоит прялка – донце, столбушка, и к ней уже приколот железной иглой пучок белой «волны» – овечьей шерсти осенней стрижки.

– Что это? – Витислава замерла, уставившись на прялку.

– Будем оберег творить, чтобы сыновей в пути никакие беды и хвори не брали.

Радонега села к прялке; распущенные светло-русые волосы двумя волнами лежали у нее на груди, и этот непривычный вид простоволосой свекрови нагонял на Витиславу трепет. Легкая седина поблескивала в ее густых волосах, придавая ей вид небесной пряжи, озаренной лунным сиянием. Витислава смотрела, от удивления приоткрыв рот: она знала, что ее свекровь – мудрая и сведущая женщина, но теперь как никогда ясно ощущала силу этой мудрости. Темная баня среди снегов, возле огромной спящей реки, стала серединой мира, где при единственном во мраке лепестке огня прядутся все судьбы рода людского...

– Обережную нить прядут не как всегда, а веретено крутят противусолонь – от себя прочь, – стала объяснять Радонега. – Чтобы не сбиваться, здесь лучше и руки поменять: правой нить тянуть, левой веретено держать. Поняла?

Витислава кивнула: она заметила, что свекровь сидит у столбушки не тем боком, что обычно, – не левым, а правым.

– Теперь ничего не спрашивай, молчи – если слово скажешь, вся сила пропадет. Сперва я буду прясть, потом ты. Старайся как следует – мужу своему оберег будешь делать, чтобы воротился он от мери невредимым. Мерянские бабы своей колдовской силой славятся, если пустить к ним парня без защиты – обморочат, околдуют, живым не вернется.

Витислава содрогнулась, представив колдуний неведомого племени. Разве она что-то может сделать против них?

– А ты Свену жена, – мягко напомнила Радонега. – Сколько лет я его хранила, с братьями наравне, но коли у него теперь жена есть, то твой черед мужа хранить. У вас теперь одна судьба – какую ты ему долю нарядешь, ту он и проживет.

Радонега вздохнула тайком: уж больно юна и неопытна была та, от которой зависела доля, счастье, сама жизнь ее среднего сына. Но что поделать – сам так решил, сам такую хранительницу судьбе своей назначил. «Куда судьба хочет, туда все и катится», – датской поговоркой отвечал Альмунд на ее сетования. Но разве плохо, если самой научить ее всему, что требуется? Приехала бы взрослая дева, а ее уж дома бы выучили невесть чему...

– Ты не робей, – подбодрила Радонега невестку, у которой в испуганных глазах отражался огонек светильника. – Тебя ведь не в грядах нашли. Ты – княжеская дочь, тебя боги слышат.

Мать не успела обучить Витиславу ворожбе – для этого приходит срок, когда дева надевает поневу и обретает женскую силу. Теперь этому ее учила женщина, которая больше самой Витиславы хотела, чтобы она эту силу обрела.

Сперва Витислава только смотрела, как Радонега прядет, вытягивая нитку правой рукой вместо левой. У свекрови, опытной и в таких делах, получалось так же ловко, как обычно, не сразу и поймешь, что не так. Зато сама Витяна намучилась, когда пришел ее черед! Тянуть нить из кудели правой рукой получалось неплохо, но левая все время сбивалась, куда крутить веретено. А крученная не в ту сторону нить никуда не годится – не скручивается, а расплзается. Досадливо вздыхая, Витислава сращивала нить и начинала заново. И пожаловаться нельзя – слово скажешь, вся сила пропадет! Однажды она чуть не заплакала, да Радонега, взяв ее руку в свою, показала, как нужно. Успокаивала знаками: не тревожься, получится. У нее уже было готово полное веретенце, а Витяна и не надеялась до утра спрясть годной нити хоть пару локтей.

Вздыхая, прерываясь иногда перевести дух, наконец она приладилась. Радонега гладила ее по голове: дескать, бывает, само собой ничего сразу не получается, всему учиться надо! Витислава изо всех сил собиралась с духом: ведь дело важное – ворожба. Если она ради своего мужа не постарается, кто же его защитит? Только та «хаминга», о которой толковал Альмунд.

И привиделось ей, будто сидит здесь, в бане, та рослая жена в белом и ловко прядет нить из лунного света... Ведь их род – знатный, от князей датских, хаминга их и не такое должна уметь.

Когда наконец Радонега знаком показала, что достаточно, у Витяны уже руки отнимались.

Лучинка тем временем преспокойно спала на лавке в предбаннике, съезжившись для тепла. Разбудив ее, отправились обратно в городец. Ночь уже заворачивала к утру, Витислава чувствовала себя разбитой, будто на ней пахали. Но Радонега одобрительно похлопывала ее по плечу, и сама она чувствовала, что кое-чему научилась. Сквозь усталость пробивалась гордость: пока ее ровесницы в лелешки тряпичные играют, она несет обязанность знатной жены оберегать мужа!

Днем Радонега позволила Витяне отоспаться, а вечером снова повела в баню. Нынешний урок был полегче: они всего лишь растопили печь, нагрели воды, сделали настой корня марены, размотали вчерашнюю пряжу и выкрасили в красный цвет. Витяне удалось даже подремать, пока пряжа настаивалась. Потом они ее прополоскали, развесили сушить над печью и пошли спать. Но мужчины уже с утра были так заняты подготовкой к походу – Альмунд толковал с каким-то мужиком о сушеной рыбе, а Свен увлеченно бранился с другим из-за ледоходных

шипов для лошадей, которых оказалось недостаточно, – что никто и не замечал, что их женщины, особенно Витяна, бледны и зевают украдкой.

На третий вечер мужчины легли спать раньше обычного – завтра чуть свет Свену и Велераду предстояло выступить по Мсте на юго-восток, к землям мере. В этот день они сходили в баню, и когда Радонега с невесткой пришли туда, там стояло ровное влажное тепло с запахом распаренных веников и целебных трав. При огоньке светильника они заправили по четыре крашенные нити в отверстия ткацких дощечек и принялись ткать тонкие, но прочные плетезки¹². Это делается обеими руками, и к этой работе Витислава привыкла с восьми лет, так что могла ее выполнять даже в полудреме. Только полагалось молчать.

– Теперь запоминай, – сказала Радонега, когда они закончили и свернули готовые плетезки. – Сильному слову тебя обучу. Его говорить надо так, чтобы другие не разобрали, и на память затвердить. Повторяй да запоминай: «Огораживаю я мужа моего, Свенельда, Альмундова сына, оградой крепкой от земли до неба, с закатной стороны на подвосточную...»

– С закатной стороны на подвосточную... – старательно повторяла Витислава, рисуя в голове все эти стороны, багряные от солнечных лучей, чтобы крепче держались.

– Ограждаю от зла черного, от худой немочи, от наведенного, от наговоренного...

– По воде напущенного, по ветру насланного...

Прикрыв веки, Витислава старалась шептать так же, как Радонега – невыразительным голосом, через узкую щель между губами. И видела это неясное, неразличимое зло, летящее на ветру или скользящее по поверхности текучей воды; зло походило на серые расплывчатые тени, но если их тронуть – опалит холодом, порежет, будто острый нож.

– Затворяю дорогу колдуну и колдунье, ведуну и ведунье, злым бабам чудским, лихим девкам мерьским, заговариваю от белого, от черного, от рудого, от русого, от красной девицы, от лихой вдовицы, от призора, от порчи, от сглаза. Отсылаю все болезни и хвори, призоры и прикосы черному медведю на хребет!

Витислава содрогнулась, как будто этот медведь вдруг выскочил черной глыбой из темноты. Но его нужно было не бояться, а заставить служить.

– Ты понеси, черный зверь медведь, в темные леса, в глухие болота, чтоб там жили, вовек не воротились...

Придя назад в девичью избу, Витислава улеглась, но до самого утра почти не спала. Три бессонные ночи за ворожбой, понимание того, что завтра все изменится, так ее растревожили, что сон не шел. Каждое мгновение казалось длинным, а ночь – бесконечной. Радонега твердила, что она, Витяна, должна сделать для Свена невидимую защиту. Но хорошо ли у нее вышло? Что будет, если его настигнут все эти злыдни и беды? Как там было: колдун и колдунья, ведун и ведунья, злые бабы чудские, лихие девки мерьские... Черный зверь медведь! Витислава снова вздрогнула. Ей представлялся Свен, с мечом выходящий против огромного черного медведя, величиной с избу, и становилось страшно, и хотелось помочь – но как? Не так чтобы она привязалась к мужу – за эти месяцы он стал ей привычнее, но не стал ближе. Однако Свен привез ее сюда, с ним она была знакома дольше всех прочих, и Радонега учила ее смотреть на него как на свою судьбу. Случись с ним беда – она останется вовсе без судьбы...

Потом кто-то тронул ее за плечо. Над ней склонилась Лучинка:

– Ступай, госпожа в ту избу зовет.

В ту избу – это значит, в хозяйскую. Быстро умывшись и одевшись, Витяна дала служанкам замотать и заколоть на ней покрывало, накинула кожух на белке – новый ей обещали, но еще не приготовили, – и перебежала в большую избу. За пазухой у Витяны лежал завернутый в платок красный шерстяной плетезок – ее рукоделие с трех ночей в бане.

¹² Плетезок – тканый шнурок.

Снаружи было еще совсем темно, однако утро наступило. Шел крупный снег, покрывая свежие отпечатки ног. Ворота стояли открытыми, отроки переносили на плечах из клетки какие-то мешки, тиун отдавал распоряжения.

В большой избе уже все встали, две служанки собирали завтрак, на столе теснились блюда, горшки и миски.

– А вот и жена твоя! – Радонег кивнула Свену. – Вставай!

– Будь жива! – Свен шагнул навстречу Витяне и улыбнулся.

– Будь жив, господин! – шепнула она и вопросительно взглянула на Радонегу.

Та сделала сыну какой-то знак. Свен, сдерживая ухмылку – дело-то важное! – расстегнул узкий кожаный пояс с литой бронзовой пряжкой и задрал подол сорочки, так что стал виден верхний край портов, где гашник. Радонег показала Витяне: приступай.

Слегка дрожащими руками Витяна вынула из-за пазухи плетежок, развернула, опоясала им Свена, едва сумев обхватить его стан, и зашептала себе под нос, как учили:

– Огораживаю я мужа моего, Свенельда, Альмундова сына, оградой крепкой от земли до неба, с закатной стороны на подвосточную...

Иногда она сбивалась, останавливалась, вспоминая, что там дальше, но никто в избе не шевелился; даже дыхание все затаили, невольно вслушиваясь в шепот и не разбирая ни слова.

Добравшись до черного медведя, Витислава ему почти обрадовалась, как знакомому. В темные леса... в глухие болота... слово мое крепко, вовек нерушимо... Все!

Завязав плетежок на три узла, Витяна попятилась, Свен опустил подол сорочки и снова подпоясался верхним поясом. А тот, заговоренный, он теперь не снимет до самого возвращения домой, даже мыться будет с ним.

– Ну вот! – сказал Годред. – Теперь если кто скажет, что от твоей жены нет пользы...

– Я ему в морду дам! – перебил Свен, обернувшись к нему. – Отвешу хорошего такого, запоминающегося леца! Она – внучка князей и правнучка богов, как и мы. У нее тоже есть княжеская удача. И то, что она – моя, увеличивает мою удачу. Сказать, что от этого нет пользы, может только недоумок.

– Будь она еще немного поменьше, ты мог бы посадить ее в мешочек и носить за пазухой! – с мнимым миролюбием заявил Годред. – Был бы берег всем на зависть.

– Напрасно ты все же остаешься дома! – с сожалением ответил ему Свен. – Мог бы пойти с нами и отыскать себе жену ростом с бортевую сосну! Вот такая была бы тебе под стать, и ты наконец-то перестал бы мне завидовать!

– Сейчас я для кого-то найду хорошего леца...

– Уймись, вы! – строго сказала Радонег. – Оба давно уже зрелые мужи, а бранитесь, как отроки!

– Была бы у него *настоящая* жена, – обратился к матери Годред, – я бы сам пошел за данью, а ему дал бы побыть с ней дома! Но коли он привез не столько себе жену, сколько тебе дочку, – он смерил взглядом молчаливо стоящую Витиславу, – то лучше ему заняться делом, а она, глядишь, тем временем и подрастет!

– Была бы дочка добрая да разумная, вот как Витяша, я бы всякой обрадовалась, – миролюбиво произнесла Радонег, приобнимая девочку, у которой от обиды слезы появились на глазах. – А рост – дело наживное, какие ее годы?

– Надеюсь, ростом с Годо она все же не будет... – проворчал Свен.

Пока позавтракали, рассвело, Свену и Велераду пришла пора трогаться в путь. Обоз собрался, лошадей запрягли, товары погрузили. С родичами отъезжающие простились в избе – оба брата обняли отца, мать, Годреда и Витиславу. Свен легонько поцеловал ее в щеку, и она вздрогнула – до этого он так же поцеловал ее только на свадьбе. Не так чтобы ей было неприятно, лишь слегка неловко: подходя к нему так близко, она яснее ощущала, как он непохож на нее, как от нее далек. И не верилось, что когда-нибудь это изменится. Ведь после свадьбы она

уже сама себя считала взрослой женщиной и не могла представить, что со временем сделается *еще взрослее*, станет истинной ровней для этого рослого мужчины с уверенными ухватками.

На внешнем причале обождали среди толпы, пока появились Олав с семейством, чтобы еще раз пожелать своим людям удачи. Даже Ульвхильд благосклонно кивнула Свену и Велераду.

– Выберите для нас самых лучших куниц и бобров, – величаво пожелала она.

Обоз тронулся по дороге к реке Мсте, где начинался путь через подвластные Хольмгарду земли, лежащие на юго-востоке.

Радонегя приобняла Витиславу за плечи. Та невольно вздохнула. Свен, будучи дома, не так уж часто ее замечал, но без него сразу стало как-то пусто. А из двоих других деверей лучше бы Велерад остался дома – он всегда был с ней приветлив. А не этот противный Годо, что смотрит на нее, будто на мышь, застигнутую посреди стола.

– Да будет с тобой хамингя... – прошептала Витислава, глядя вслед саням и уже не различая Свена, верхом ехавшего где-то впереди.

Ей виделась белая женщина, неслышно следующая за Свеном. Раз он отправился искать славного дела, она же должна идти за ним?

И черный медведь...

– Ничего, – сказала Радонегя, тоже вздыхая. – Придет весна, они и воротятся.

Сейчас, на самой верхушке зимы, казалось, что до весны еще лет десять...

* * *

В Хольмгарде справили уже и «старый йоль», в этот раз отстоявший от «нового йоля» на месяц с лишним, когда явился гонец из Взада – заставы на устье Ловати, впадающей в Ильмень-озеро с юга. Сообщили, что к Олаву едут посланцы из Киева. Весть эта взволновала весь дом: за ней неизбежно должно было последовать нечто важное. С людьми Хельги Хитрого – славяне произносили его имя как Олег и с недавних пор почтительно именовали Вещим – северные русы каждый год встречались на Десне, где ранним летом собирался ежегодный обоз для путешествия в Саркел, так что обычные киевские новости здесь знали. Посольство от Хельги означало нечто такое, что способно переменить весь порядок и уклад или подтолкнуть значительные события.

– Уж не затеял ли Хельги опять пойти на греков? – гадал Олав в кругу своих приближенных. – В тот раз он удачно сходил, но с договором цесари тянут уже три лета. Не задумал ли он подтолкнуть их копьём в задницу и просит нас о помощи?

– Тогда нам придется решать, куда идти – с ним или на сарацинов, – напомнил Торстейн.

– Я не прочь побывать у греков, пока в силах натянуть лук! – усмехнулся Альмунд. – Да и парням охота поглядеть, как виноград растет.

– Годо не вернется домой без цесаревой дочери, после того как Свен так отличился со своей женьбой! – воскликнул Олав, и все засмеялись.

Заклучения договора с цесарями, который дал бы право возить свои товары на константинопольские торги, с одинаковым нетерпением ждали и в Киеве, и в Хольмгарде. Еще один, новый путь к источникам серебра, золота, шелка, вина и прочего был очень важен на случай возможного разлада с хазарами.

– Если с самим Хельги ничего не случилось! – многозначительно заметила Сванхейд. – Он ведь человек уже не молодой...

– И этого нельзя исключить... – задумчиво ответил Олав.

Они с женой переглянулись. Если так, то следующий киевский князь сейчас находится в их доме, а это повод призадуматься.

Лет двадцать пять тому назад через Ладогу и Хольмгард прошел на юг некий вождь с дружиной по имени Хельги сын Асмунда, Хельги инн Витри, как его звали свои, то есть Хельги Хитрый. Он происходил из рода Скъёльдунгов, но ютландскими Кнютлингами был вытеснен из своих владений и отправился на Восточный путь поискать новых. Олав, в то время ребенок, самого Хельги не запомнил, у него осталось в памяти лишь смутное ощущение, будто происходит нечто важное. Это называлось «когда здесь были даны», и суть дела ему уже потом передавали отец и мать. Хельги желал отправиться в сторону чуди, где можно раздобыть ценные меха и восточное серебро, но туда его не пустил Хакон, отец Олава и тогдашний владыка Хольмгарда: этими мехами он сам брал дань, а потом сбывал хазарам. Уже более ста лет дорожка, вымощенная серебряными шелягами, тянулась с юго-востока, от берегов Хазарского моря, на северо-запад, до крайних пределов Страны финнов, за которой только Ётунхейм, и по этим светлым следам сюда, на Восточный путь, снова и снова стремились отважные охотники за славой и богатством.

– Но я не возражаю, если ты пойдешь на юг, – сказал Хакон молодому вождю. – Там уже немало русов – в Сюрнесе на верховьях Днепра, в Киеве на полпути к Греческому морю. Я слышал, лет двадцать назад они ходили на то море викингскими походами и стяжали славу. В тех краях отважный человек найдет свою долю.

Хельги понимал: те русы, что сидят на Днепре, не более самого Хакона захотят делиться своим счастьем. Но биться с Хаконом он был не в силах, и оставалось принять то, что ему предлагали.

Хакон, признаться, думал, что более никогда не услышит об этом удалце, что Хельги сгинет на славянских реках или будет убит в борьбе с Хёскульдом из Кенугарда, имевшим в союзниках самого цесаря. Но нет – изгнанника любили боги и вели туда, где припасли для него лучшую долю. Прошел год, и от Хельги прибыли посланцы: он сообщал, что овладел Кенугардом и прилегающими к нему землями, и теперь предлагал Хакону союз на равных. Пока что Хакону не было большого толка в этом союзе: земля Полянская, зажата между древлянами на правом берегу Днепра и хазарскими данниками – на левом, ничего важного не могла ему предложить. Но Хельги и это сумел изменить. В ближайшие пять-семь лет в Хольмгард приходили вести о том, что он подчинил себе земли по Десне, до того подвластные хазарам. Это уже было важно: по Десне проходил торговый путь на верховья Оки, а потом на реку Дон, в город Саркел и далее в страну хазар. Туда увозили ценные меха северных лесов, а взамен доставляли шелк, серебро, другие сокровища восточных стран. На севере все дивились: видно, уж очень плохи дела у хазар, если они выпустили из рук такой важный узел торговых путей. «Думаю, это ненадолго, – говорил тогда Хакон. – Каган соберется с силами и вернет свое добро!» Два-три года Хакон выждал, не пришлет ли каган войско, чтобы вышвырнуть наглеца из Киева, которым когда-то, сто лет назад, владели сами хазары. Но у того, как видно, нашлись более важные заботы, чем судьба глухого клочка земли на другом краю света. Каган умер, нового по каким-то неведомым здесь причинам хазары так и не выбрали, а правившие вместо него хаканбеки были заняты чем-то другим. Десна и прилегающие земли оставались подвластны Киеву.

Этот успех Хельги Хитрого многое менял и для Хакона: богатство Хольмгарда обеспечивалось причастностью к этому пути. У Хакона имелся договор с хазарами о допуске северных товаров на реку Итиль, но теперь он не мог попасть туда без договора с Хельги киевским!

Хельги же не зря носил прозвище Вещего: в уме ему было не отказать. Он понимал, что засел на очень выгодном месте, но понимал и то, что, слетев отсюда, может сломать шею. Стремясь заручиться поддержкой, он предложил Хакону обмен заложниками: каждый должен был прислать в дом к другому своего наследника.

Основательный и в этом тоже, Хельги взял в жены девушку из старинного полянского рода, который возводили к Кию, богу-кузнецу. От этой жены у него родился сын, Грим-Бранеслав. Его, трехлетнего ребенка, привезли в Хольмгард, а взамен увезли пятнадцатилетнего

Олава. Два года спустя Олава в Киеве женили на Гейрхильд, дочери Карла, ближайшего сподвижника Хельги. У самого князя тоже имелись дочери, но старшая в то время была шестилетней девочкой, и повзрослевший парень не мог ее ждать.

У молодой пары родилось двое детей, а тем временем в Хольмгарде умер Хакон. Как и было условлено, Хельги отпустил Олава в его владения, но оставил себе уже его наследника – годовалого Харальда с кормилицей и служанкой. Грим прожил в Хольмгарде пятнадцать лет: здесь он вырос, стал мужчиной, но ни разу больше не видел родителей и даже не знал их лиц. Единственной его связью с родиной были те вести, что раз в год привозили с юга торговые люди.

Неудивительно, что в ночь после известия о скором прибытии киевских послов Грим сын Хельги едва мог спать. Всеми силами души жаждал он угадать, что несут ему посланцы далекого отца, но снилась такая путаная чепуха, что принять ее за вещий сон было никак нельзя.

* * *

День спустя посланцы прибыли. Десяток саней в сопровождении трех десятков отроков, конных и пеших, поднялись со льда Волхова по зимнему въезду и через посадские ворота вступили в город. На площади между дворами их ожидала толпа любопытных, а впереди всех Альмунд, посланный Олавом встретить гостей и проводить в дом. Из сыновей с ним был только Годред, но еще рядом стоял крепкий парень лет восемнадцати-девятнадцати – без шапки, в распахнутом кожаном. По облику он ничем не выделялся среди отроков Хольмгарда: продолговатое лицо с крупноватым носом, золотистая мягкая щетина вокруг рта, светло-золотистые, немного вьющиеся волосы, падавшие на широкий покатый лоб и на глаза, отчего он смотрел немного исподлобья. Выделял его только кафтан, видный под кожаным, – темно-зеленой шерсти, с отделкой голубым шелком с серебром, с серебряными пуговками. Да и сам кожан, крытый коричневой шерстью и подбитый кунницей, говорил о многом.

Обоз возглавляли несколько всадников, чьи дорогие кожухи и шапки, уверенный вид указывали: не простые люди, бояре.

– Карл! – Скользя взглядом по их лицам, юноша порывисто шагнул вперед. – Здравствуй!

Мужчина лет пятидесяти обернулся на голос. Крупные черты обветренного лица, широкий нос, ровные рыжеватые брови, поседевшая рыжеватая борода – весь облик его дышал несокрушимым спокойствием и уверенностью. Взгляд глубоко посаженных голубых глаз был внимателен и цепок. Он еще ничего не сказал, не сошел с коня, однако само его появление, предвещавшее перемены, казалось, уже все меняло.

Прежде чем ответить, он окинул говорившего быстрым внимательным взглядом. Они не виделись четыре лета, а в юности это много – за это время мальчик становится мужчиной и порой делается неузнаваем. Взгляд Карла зацепился за пояс парня – длинный кожаный ремень был усажен узорными серебряными бляшками хазарской работы. Он сам четыре лета назад привез сюда этот пояс вместе с мечом, когда отроку исполнилось четырнадцать. Носить такие пояса было в обычае в Киеве, но в Хольмгарде он имелся лишь один и сам указывал на личность обладателя.

– Здравствуй, Грим! – на северном языке сказал Карл, сойдя с седла и отдав поводья отроку. – Здравствуй, Альмунд! Слышал, у вас все благополучно?

– А у вас? – Грим придвинулся к нему. – Вы... не за мной?

Ему с трудом дался этот вопрос, но выносить неизвестность больше не было сил.

Карл, которому он мешал толком поздороваться с Альмундом, снова взглянул на парня.

– Нет, – спокойно ответил он. – Не в том смысле, о чем ты подумал. Но наше дело переменит и твою жизнь – к лучшему, я надеюсь.

Грим, больше ни о чем не спрашивая, с некоторым стыдом опустил голову. Невозмутимость Карла служила упреком его нетерпению. Но ему хорошо – у него столько всего позади! Грим же только и делал, что ждал, когда придет его время хоть как-то себя проявить. Он родился старшим законным сыном могучего повелителя, но жил, будто девушка, почти не покидающая дома. Сыновья Альмунда, его приятели, почти к тому же возрасту успели повидать дальние страны и всякую зиму ходили в дань, а он был вынужден оставаться с женщинами – самый знатный заложник привязан к дому почти так же крепко, как самый ничтожный раб.

– О, Карл! – раздался рядом звонкий девичий голос: обернувшись, мужчины увидели Ульвхильд в наброшенной на плечи куньей шубке. Она была румяна от волнения, глаза ее живо блеснули. – Меня не обманули – ко мне приехал мой дед! Я тебя сразу узнала, клянусь!

Ульвхильд подбежала к Карлу, и тут его невозмутимость растаяла: на лице появилась улыбка, выражавшая радость и восхищение,

– Неужели это моя внучка? – Он охотно обнял девушку. – Не может быть! Ты же была вот такой крошечной девочкой, а теперь ты готовая княгиня!

– Но ты же не думал, что я навсегда останусь мелкой козавкой! – горделиво засмеялась польщенная Ульвхильд.

– Конечно, нет, но с прошлого раза ты подросла на две пяди!

Карл был единственным дедом Ульвхильд, которого она знала; к тому же, рано потеряв мать, она еще сильнее устремилась душой к отцу покойной Гейрхильд.

– Ну, идем! – Ульвхильд потянула Карла за руку к хозяйскому дому. – Они ждут тебя в гриднице.

В честь такого важного гостя гридница была нарядно убрана: к скамьям прикреплены резные узорные доски, по бревенчатым стенам развешаны тканые восточные ковры и дорогие разноцветные одежды, кафтаны и плащи, так что все длинное помещение с двумя очагами посередине оделось яркими красками. Сама Сванхейд стояла перед очагом, держа рог с серебряной оковкой, а Олав ждал, сидя на своем высоком резном престоле.

Карл шел впереди своих спутников; на всех были цветные кафтаны греческого кроя, хазарские пояса, у двоих, кроме самого Карла, – мечи-корляги на перевязи.

– Приветствую тебя, Олав конунг! – Карл снял цветную шапку на черной лисе, открыв высокий прямоугольный лоб и две тонкие косички, заплетенные в длинных волосах по сторонам лица. – Да пошлют боги благополучия твоему дому, родичам, домочадцам и всем землям под твоей рукой!

– Здравствуй, Карл, рад видеть тебя! – Олав приветливо кивнул.

– Да пошлют боги тебе и твоим спутникам благополучие под нашим кровом! – Сванхейд подошла и вручила ему рог.

Прежде чем отпить, Карл бросил оценивающий взгляд на стан хозяйки, выдававший, что не пройдет и двух месяцев, как она подарит мужу еще одно дитя.

– Благодарю тебя, госпожа! Да пошлют дисы и добрая Фригг тебе всю помощь, которая может понадобиться!

– Хотели бы мы узнать ваши новости, но, думаю, сегодня вы предпочтете отдохнуть? Вам приготовлен гостевой дом и баня.

– Нам не худо будет отдохнуть, но потом я хотел бы поговорить с Олавом с глазу на глаз, – негромко сказал Карл, возвращая Сванхейд опустевший рог. – У меня есть важная новость, и хоть она печальна, именно с нее придется начать.

– Печальна? – вполголоса повторила Сванхейд и расширила глаза. – Не хочешь ли ты сказать...

Она огляделась, отыскивая глазами Грима.

– Нет, не то, – Карл, понимавший, о чем все подумают в первую очередь, мотнул головой. – Но... асы и ваны, а это что за светлый альв?

Среди толпы конунговых домочадцев его взгляд зацепился за дородную рослую женщину – Радонегу, а рядом с ней стояла худенькая девочка-подросток, одетая как взрослая, замужняя женщина.

– А! – Сванхейд засмеялась. Карл немало в жизни повидал – даже греческих цесарей Леона и Александра, но сейчас явственно был изумлен. – У нас тоже есть новости, и они, сдается мне, вас позабавят! Кое-кто у нас так отличился, что похитил этого альва из самого Рёрика!

– Надеюсь только, это не Грим... – проворчал Карл.

* * *

Для разговора с глазу на глаз Олав пригласил Карла в свой спальный чулан, называемый в языке русов шомнушей – небольшой покой, прирубленный к гриднице. Олегов посланец значил для него гораздо больше, чем просто боярин-посол: Олав знал Карла с тех пор, как пятнадцатилетним отроком был привезен в Киев. Своего родного отца, Хакона, Олав с тех пор больше не видел, поскольку получил возможность вернуться домой не ранее его смерти, и Карл, отец первой жены, в Киеве был его наставником и советчиком. Сейчас Олаву сравнялось тридцать, он имел собственных детей, но в Карле по-прежнему видел того, на чью мудрость и опыт мог положиться.

При их разговоре больше никто не присутствовал, даже Сванхейд. Вечером гости собрались на пир, и, когда Олав и Сванхейд показались из шомнуши, вид их вызвал тревожный гул. Сванхейд и вошедшая за ней Ульвхильд были одеты в голубое, синее и белое, а одежда Олава оказалась выворочена наизнанку. Лицо Ульвхильд выражало горе, а Сванхейд казалась озабоченной.

Поднявшись на свое почетное место, Олав повернулся к людям.

– Мой родич Карл привез мне горькую весть, – объявил он, не садясь. – Мой сын Харальд, тот, что жил в Киеве у Олега и должен был на следующую осень получить меч... умер минувшей осенью от лихорадки. Сейчас я поднимаю этот рог, – он повернулся к Сванхейд, и она подала ему рог, – в память моего старшего сына, чью нить норны оборвали так рано...

Олав поднял рог к кровле, потом плеснул на пол, потом отпил. Лицо его было спокойным, но погасшим. Он совсем не знал Харальда, с которым расстался более десяти лет назад, когда тот был годовалым чадом. Но все же это был его старший сын, его наследник, который уже вот-вот должен был из мальчика стать мужем, кого Олав в будущем видел господином Хольмгарда – пусть имел мало надежды познакомиться с ним, ведь и Харальд смог бы вернуться в родной дом только после смерти Олава. Однако несколько слов, сказанных удрученным Карлом, все переменили: Олав по-прежнему оставался владыкой обширных земель и немалых богатств, но больше не было у него самого главного – сына, которому он мог бы все это передать.

Сванхейд взяла у него рог и вручила Карлу.

– Господин мой Хельги повелел мне передать Олаву конунгу и всем жителям Хольмгарда, что он скорбит об этой потере не менее, – сказал киянин, плеснув медом на пол. – Десять лет мы растили этого отрока и видели, как много надежд он подавал и каким многообещающим и выдающимся мужем должен был стать... Я, его дед, старался заменить ему отца. Я клянусь, что никто в Киеве не желал ему зла, а если бы такие нашлись, то им пришлось бы иметь дело со мной и с самим князем. Княгиня Бранеслава и дочь ее Венцеслава ходили за Харальдом, как за своим родным сыном и братом, а это сведущие женщины, искусные во врачевании. Но никто не сильнее судьбы. Я прошу богов, чтобы они как можно скорее послали умножения роду Олава конунга и подарили ему семерых сыновей взамен этого одного!

Карл поднял рог, призывая богов его услышать, и отпил. Утешая Олава, он сам испытывал боль куда сильнее: он знал умершего отрока и остро чувствовал потерю. И если Олав мог

приобрести еще семерых сыновей от Сванхейд, то самому Карлу никакие силы не дадут нового внука, ибо родившая Харальда сама была мертва.

Пока рог шел вдоль хёвдингов и званых на пир словенских бояр, не один и не двое тайком устремляли взгляд на Сванхейд. Пожелание Карла должно было сбыться уже скоро; под ее белым вышитым передником теперь скрывался первый наследник Олава. Если, конечно, это будет мальчик.

Поглядывали гости и на других родичей хозяина, на многих лицах читалось раздумье. У Хельги киевского больше нет заложника от Хольмгарда – кому придется заменить покойного? Одни косились на Ульвхильд – теперь она осталась единственным, кроме двухлетней Альвхильд, ребенком Олава. Другие посматривали на Ветурлиди – младшего брата господина.

– Так что же – теперь зять наш Ветролид в Киев поедет? – первым задал вопрос старейшина Станигость из Доброжа. – Он ведь не отрок – с женой и чадами придется с места трогаться.

Ветурлиди приходился Олаву сводным братом, от другой жены Хакона, и совсем на Олава не походил: был заметно выше ростом, к двадцати семи годам уже начал полнеть. С крупными чертами довольно полного лица, с длинными темно-русыми волосами, у окрестных славян он имел прозвище Водяной. Мать его была словенка из Внездичей, а жену себе он взял из Доброжичей – знатного рода, из тех, что на Ильмене и Волхове считался «старшим», и уже стал отцом троих сыновей.

– Да, и впрямь, – Ветурлиди, человек добродушный, придал лицу выражение озабоченности. – Что ты об этом думаешь, брат мой Олав? Если бы я был отроком семнадцати лет, то охотно поехал бы в Киев – посмотреть мир и получить от Хельги знатную красивую жену. Но у меня уже есть жена, и знатная, и красивая, и не хотелось бы пускаться в такую даль.

– Жаль – наш князь принял бы брата Олава как дорогого гостя, – улыбнулся Карл. – Но он задумал нечто другое. Надеюсь, кое-кто, по его замыслу, все же получит красивую и знатную жену.

– Кто же? – Ветурлиди с любопытством подался вперед. – Нам с братом уж нечего больше желать.

– Позволь, Олав конунг, я сперва расскажу о другом замысле моего князя. После нашего похода на греков, как вы знаете, цесари пообещали в ближайшие годы заключить с ним договор, чтобы он мог посылать нас с товарами на торги Миклагарда. Уже раз я с другими мужами ездил в Миклагард, и греки потом приезжали к нам. Грядущим летом василики снова должны приехать...

– Кто приехать? – не понял Олав.

– Василики – мужи цесареви так зовутся, – Карл, не раз побывавший в Константинополе, запомнил немало греческих слов и мог ими щегольнуть при случае. – Приехать и привезти симфону, то есть договор, который их цесари пообещают соблюдать. Нам известно, что греки с сарацинами уже не первый век враждуют. Рассказывали нам послы о Ширване, чей посадник сарацинский, Юсуф, им, грекам, лютый враг. Сильно сарацины притесняют Христовых людей, что на Хазарском море живут, а те к цесарям за помощью шлют.

– Слышали и мы про Юсуфа ширванского, – кивнул Олав. – От самих хазар. Когда прошлым летом Боргар ездил в Итиль, там ему царь говорил: в последние годы у хазар война идет с сарацинами из города Чор, его иные именуют Аль-баб – и Ширвана. Та война длится уже десять лет. Аарон, царь хазарский, согласился пропустить наших людей на море с тем условием, что они помогут ему разбить ширван-шаха. Здесь выгоды их и наши сходятся, иначе не видать бы нам моря Хазарского.

– В этом деле, как я вижу, сходятся выгоды не только ваши и Арона, но еще выгоды цесарей – Леона и Александра, а с тем и моего господина Хельги, – Карл улыбнулся такой удивительной удаче. – Если ширван-шах будет разбит, это пойдет на пользу грекам, а если в этом деле

помогут русы – это пойдет на пользу нашему договору с греками. Мы себя еще раз покажем людьми, владеющими силой, отвагой и удачей, надежными и нужными союзниками. Итак, – Карл выпрямился, давая понять, что сейчас скажет самое важное, – господин мой Хельги просит у брата своего¹³ Олава позволения прислать своих людей для похода на Хазарское море.

За столами поднялся шум – и людей Олава, и словенских старейшин взволновала эта новость.

– Вот как! – оживленно воскликнул Ветурлиди. – Хельги мало славы победителя греков, он хочет покорить еще и сарацин!

Олав прищурился в задумчивости. Хельги не нуждался в его помощи, чтобы сходить на Хазарское море – наоборот, северные русы без его согласия не смогли бы попасть на Оку и Дон, ведущие к владениям каганов. Но объединение сил пойдет походу на пользу, и раз уж Хельги решил не упустить долю добычи и славы, у него хватило ума сделать свое предложение вежливо.

– Достаточно ли у Хельги сил для столь далекого похода? Сарацины сильны, если сами греки не могут с ними сладить, и в столь дальней дороге...

– Сил довольно, – Карл кивнул. – Помня о коварстве греков, Хельги не распускал полностью то войско, что было собрано. Владыки земель ушли по своим местам, ратники разошлись по домам, но часть заморских дружин, да и славян тоже, осталась при князе. Летом он посылал их походами на угличей и тиверцев, а зимой брал с собой в гощение. Но зачем людям зря объедать смердов, когда можно послать их на сарацин? Там они возьмут свою добычу, и более сильным войском мы добьемся куда большего. Соберем такое, что сможем обложить осадой сам Аль-баб, как обложили Миклагард, и взять с него такой же богатый выкуп!

– Тогда дела и впрямь складываются удивительно удачно! – согласился Олав.

Это было не иначе как чудо: в походе на Ширван сошлись выгоды русов севера и юга, хазар и греков, то есть людей, которые ни в чем ином не могли сойтись.

– Если это придется по душе тебе и твоим людям, – воодушевленно продолжал Карл, видя, что речи его нравятся и дело движется к успеху, – то у Хельги будет и другая просьба. Ожидая греческих послов, он не может сам покинуть Киев на лето. Он мог бы поставить во главе войска кого-то из достойных мужей – в таких у нас нет недостатка. Но к чему другие, когда у Хельги сын уже мужчина? Грим, иначе Бранеслав, уже довольно взрослый, чтобы отправиться в дальний поход и испытать свою удачу. Пора ему показать людям, чего он стоит и что за человек будущий киевский князь!

Грим выпрямился под сотнями взглядов, обрушившихся на него, будто ливень. Его сведенные брови разгладились, лицо вспыхнуло, зеленовато-серые глаза засверкали, как звезды. Кровь бросилась ему в лицо, уши загорелись от внезапного волнения. О чем-то подобном он давно мечтал, как и всякий сын знатного человека: ведь он был рожден и воспитан, чтобы возглавлять войска в походах за добычей и славой. Ради этого Карл пять лет назад привез и вручил ему меч, ради этого Равн, один из доверенных людей Хельги, уже пять лет обучал его владеть оружием. Так неужели его час настал, и отныне не он будет завидовать сыновьям Альмунда, а они – ему?

– Кто бы спорил, Гриму пора испытать свой меч и свою удачу в деле! – согласилась Сванхейд. – Но как же будет с нашим обычаем обмена... Хельги пришлет нам другого сына? У него ведь есть еще один?

В Хольмгарде знали, что боги послали Хельги четверых сыновей. Двое старших, от первой жены, уже были при нем, когда он явился из-за моря. Из них старший, Асмунд, погиб много лет назад в Северянской земле. Второй, Ингъяльд, не вернулся из похода на греков. Теперь, кроме Грима, оставался только Рагнар, едва успевший получить меч.

¹³ Братьями себя называли равные по статусу правители, находящиеся в союзных отношениях.

– Князь согласен прислать младшего своего сына, Рагнара, если вы будете на этом настаивать. Но у него есть предложение получше, – со значительным видом промолвил Карл и приоткрыл рот, дожидаясь, пока все внимание снова сосредоточится на нем. – Князь мой Хельги поручил мне попросить у тебя, Олав, согласия на брак между его сыном Гримом-Бранеславом и твоей дочерью Ульвхильд.

По гриднице пролетел общий вздох волнения. Удивляться было нечему – подобный союз сам собой напрашивался, и нельзя исключить, что оба конунга думали о нем и раньше. Но вслух об этом было упомянуто впервые только сейчас, теперь это было не праздное мечтание, а замысел, близкий к осуществлению.

Витислава, сидевшая между Альмундом и Радонегой, вскрикнула и захлопала в ладоши. Лицо ее просияло от восторга: ее подруга вот-вот тоже станет замужней! Кое-кто засмеялся, все заговорили разом.

Ульвхильд, не зная об этом замысле заранее, вспыхнула и выпрямилась; от накатившего волнения ее будто огнем охватило. Уже лет пять она ждала, что в Хольмгард явится какое-нибудь посольство, чтобы ее посватать, и вот сватом оказался ее собственный дед!

– Этот брак сделает тебя, Олав, и Хельги одной семьей, – продолжал Карл. – Когда придет время, твоя дочь станет княгиней в Киеве. Я только порадуюсь, увидев на киевском столе единственную дочь моей дочери Гейрхильд, и уверен, она на этом месте покажет себя лучше, чем любая другая дева на свете. Что ты скажешь об этом?

– Я вижу в таком браке немало преимуществ, – неспешно выговорил Олав. – Хотя бы то, что моему брату Ветурлиди не придется снаряжаться в дальний путь с женой и детьми...

За столами слегка засмеялись, а Ветурлиди выпучил глаза и опустил скобкой углы рта в темной бороде, негустой, но весьма длинной.

– Нам следует обсудить эту женитьбу как следует, – продолжал Олав. – Что ты думаешь об этом, госпожа? – обратился он к Сванхейд.

– Всякому видно, что твоя дочь и сын Хельги по всему ровня и подходят друг другу, – Сванхейд кивнула. – В таких случаях брак бывает удачным.

– А ты что скажешь, Ульвхильд? Нравится тебе такой жених?

Ульвхильд, с пылающим лицом, набрала в грудь воздуха, но не смогла сразу ответить. Чувства ее были в смятении. Ей предлагали княжий стол – именно то, чего она ждала, – но почему-то раньше ей не приходило в голову взглянуть на Грима как на того самого жениха. Наверное, потому, что «тот самый жених» в девичьем воображении приезжает из-за моря, а Грим с трехлетнего возраста жил и рос в доме ее отца. Если бы, скажем, Свенельд из Хедебю или Ингемунд из Уппсалы привезли ей сватовство тамошних конунгов, она удивилась бы меньше.

– Я надеюсь, ты хорошо обдумаешь это дело, конунг, – с трудом выговорила она, видя, что вся гридница ждет ее ответа. – И решишь, как для нас всех будет лучше. Я думаю, мой дед... не предложил бы мне чего-то неподобающего.

Только теперь, обойдя небо и землю, ее взор окольным путем добрался и до Грима. За всю жизнь свою она как будто впервые увидела его по-настоящему. Красотой он не поражал – продолговатое лицо, крупный выступающий нос, – но и не урод, и к тому же будет князем киевским.

– Ульвхильд молода, но не слишком, – продолжал Карл, а потом с улыбкой взглянул на Витиславу. – Бывали невесты и помоложе. Если будет на то твоя воля, Олав конунг, то мы могли бы сейчас объявить обручение, а свадьбу назначить на конец зимы, чтобы к началу похода Грим уже был твоим зятем. Ты что скажешь, Грим?

Новоявленный жених сидел с довольно замкнутым видом, не выражая ни одобрения, ни недовольства. Не то чтобы он имел что-то против Ульвхильд или женитьбы вообще... Но ему

тоже требовалось время привыкнуть к мысли, что незнакомый отец в Киеве уже решил его судьбу.

Новости вызвали много разговоров, в том числе и в княжеской семье.

– Ты ведь не знаешь, сколько времени продлится этот поход! – говорила Сванхейд Олаву, когда после пира они удалились в шомнушу. – До Хазарского моря одной дороги месяца три, ведь так? До зимы они не вернутся, за лето войску хватит времени только на дорогу. Значит, они будут зимовать за морем. А может, и не один раз! Зачем девушке становиться женой, чтобы тут же остаться в одиночестве на год, на два, на три! Не лучше ли обручить их и отложить свадьбу до возвращения?

– Но Карл ясно сказал: Хельги хочет, чтобы свадьба была справлена до похода.

– Мало ли кто чего хочет? Ты ему не подвластен! – Сванхейд никогда не видела Хельги киевского и отчасти ревновала к тому уважению, которое к нему питали и кияне, и даже ее муж. – Мы легко можем сказать, что, мол, Грим пока ничего не сделал для своей славы, хоть и не по своей вине, и пусть Ульвхильд будет помолвлена три зимы. Через три зимы ей будет всего шестнадцать. Как знать, может, Грим у сарацин найдет себе другую жену. А уж наложниц наберет десятка два! – подумав, добавила она.

– Если я отпущу Грима, то должен точно знать, что он связан с нами родством. А если я откажусь его отпустить, то Хельги может не пропустить нас через свои земли.

– Это жестоко – выдать девушку замуж и тут же разлучить с мужем на три года! Я больше забочусь о счастье твоей дочери, чем ты сам! Подожди хотя бы, пока вот этот житель выйдет на свет! – Сванхейд показала на свой объемистый живот. – Я молю дис о помощи, но если... Ведь если с тобой что-то случится, пока у тебя не будет другого сына, то Грим сможет притязать на Хольмгард как на наследство жены!

– Не надо мрачных мыслей! Дисы помогут нам, у нас будет еще не один сын! А вот у Хельги... Он и сам уже не юноша, и жена его немолода. У него родился внук от дочери, а новых законных сыновей он едва ли дождет. В своих владениях он чужой, его отцы и деды там не правили, и ему нужно сделать свой род как можно сильнее, чтобы не сгинуть, как те, что сидели там до него. Поэтому, сдается мне, он надеется, что Ульвхильд успеет забеременеть. Тогда он хотя бы приобретет еще одного наследника по прямой мужской ветви, даже если... Ну, ты понимаешь, за три года в чужих краях всякое может случиться.

«Я и сам на это надеюсь», – подумал Олав, повернувшись спиной к жене в знак завершения беседы.

Дней через десять Карл, добившись полного успеха своего посольства, уехал обратно в Киев. При нем Грим был обручен с Ульвхильд, а Олав пообещал, что в начале лета Грим приведет войско северной руси на Десну, где была назначена встреча. Свадьбу отложили только до родов Сванхейд, чтобы госпожа могла сама заняться ее устройством.

Глава 3

Полтора месяца спустя после отъезда из Хольмгарда обоз сборщиков дани приближался к сердцу Мереланда – Мерямаа, как ее называли сами жители.

– Сегодня к вечеру будем в Бьюрланде, – сказал Свенельд в затылок младшего брата утром.

Из-под вотола только затылок и торчал, да и тот укутанный в шерстяной худ. Разбудил Свенельда легкий шум у очага – сторож подбрасывал дров. Боргар, старший над дружиной, Свенельд, Велерад и двое других десятских – рус Гунни и своей Тьяльвар – занимали лучшие места на широкой лежанке, возле очага. Отроки по очереди всю ночь поддерживали огонь. Очаг не печь – как огонь угас, так он и остыл. Но в погостах вместо печей были устроены очаги, по северному обычаю поднятые над полом, в земляном коробе, обложенном по сторонам деревом, а сверху камнем. Главное, чтобы местные смерды запасли по-настоящему сухие дрова, иначе от дыма невозможно будет находиться в доме и тем более в нем спать; при сухих же дровах, умело сложенных, огонь горел почти без дыма, освещая широкое помещение с лежанками в два яруса с обеих сторон, и довольно быстро прогревал воздух. Над очагом вешали большой котел или жарили на вертелах подстреленную по дороге дичь: в печи на такую толпу каши не сварить. В эти края по зимам ходила немалая дружина – человек по сто, а дать пристанище такому числу людей, лошадей, саней и разных товаров ни одна словенская или меренская весь была не способна. Поэтому еще при Тородде, который приходился Олаву дедом и первым обложил мерен постоянной данью, вдоль пути объезда были выстроены особые дворы-погосты. Весь год они стояли пустыми и были обитаемы лишь несколько дней, но здесь можно было обогреться, приготовить еду и поспать в тепле и безопасности. И один из главных страхов всякого участника объезда был – дойти вечером до конца перехода и обнаружить погост сгоревшим... А случалось, что и медведь, выломав дверь и натащив веток, с осени заваливался в спячку в углу, и тогда между людьми и зверем происходил настоящий бой за пристанище.

– Уже вставать? – пробурчал Велерад сквозь дрему.

– Да нет! Спи еще. Я говорю, сегодня в Бьюрланде будем к вечеру – сразу велю баню топить. А то завшивеешь тут совсем.

– Отогреемся... – пробормотал Велерад и натянул на голову сбившийся за ночь плащ, которым укрывался поверх кожуха. – Бобы, поди, уже пляшут от радости...

Хоть огонь и поддерживали всю ночь, а в доме, промороженном за зиму, жарко вовсе не было. Но и такой отдых казался счастьем усталым людям, вынужденным весь день сидеть в седле или идти рядом с санями – по снегу, по льду, снабдив обувь ледоходными шипами, чтобы не скользить там, где ветра сдули снег с поверхности рек.

Под началом Боргара находилось три десятка хирдманов и почти столько же словен, нанятых в конюхи и обозные. Еще десятка три составляли купцы со своими людьми – варяги и словене. Везли немало разных товаров: оловянные, медные, бронзовые слитки, хорошее железо из Свеаланда, изделия хольмгардских кузнецов – топоры, ножи, серпы, сошники, наконечники копий, льняное полотно из Хольмгарда и тонкие шерстяные ткани заморской работы. Сначала обоз двигался по реке Мсте, где жили словене, – от погоста к погосту, от одной волости до другой. За день проходили верст по тридцать, если везло с погодой. Заметив обоз на реке, старейшины волости и посылали в погост условленное количество припасов – зерна, рыбы, мяса. Сена для лошадей и дрова для очага полагалось с лета запасти и оставить поблизости. Потом собирались туда и сами. Варяги расспрашивали, хорош ли был урожай, как водится скотина, не случилось ли каких бед, сколько сыграли свадеб и как изменилось число «дымов». Оставляли часть привезенного товара, но с собой пока ничего не брали: возвращаться предстояло тоже через Мсту, так не везти же все добро туда и обратно. В иных местах кто-то из купцов

оставался торговать, в ожидании пока обоз пойдет назад и подберет, поэтому ближе к Мерямаа число саней несколько уменьшилось.

В верховьях Мсты словенские поселения и жальники с высокими округлыми могилами заканчивались. Пройдя через заросший лесом край болот и озер – летом здесь было не пройти, и лишь зимой заходили ловцы, – обоз вышел на Меренскую реку¹⁴. Народ, что жил здесь, отчасти был схож с весью, но говорил уже иным языком. Меренскую реку варяги освоили очень давно, поколений пять-шесть назад. Еще до того как род Олава утвердился в Хольмгарде, они из Ладogi пробирались на северо-восток в поисках мехов, которые ценились далеко на западе, в землях саксов и франков. Выходцы из восточного Свеаланда называли себя «ротс-карлар», что значит «жители проливов»; чужь на своем языке называла их «ротси». Здесь они основали несколько поселений. С местными мерен у них отношения складывались мирно, пришельцы привозили с собой жен из заморья, а иные женились на здешних. В этих лесах для ловкого человека был неисчерпаемый источник богатства: обилие куницы, бобра, лисы, зайца, белки, барсука. Еще первые варяги прозвали эту местность Бьюрланд – Страна Бобров, а ее исконных жителей между собой в шутку именовали «бобрами». Но и те, если слышали, то не обижались – иные роды считали бобра своим предком и даже в могилы клали лапу медведя или бобра, сделанную из глины.

При последних отсветах дня обоз свернул с Меренской реки на ее приток – Огду, иначе Путевую реку: она вытекала из озера Неро и служила дорогой, ведущей сначала к Бьюрланду, а потом к меренским селениям на озерах Неро и Келе.

Под вечер пошел снег – мелкий и частый. Из-под худа поглядывая в небо, Велерад воображал, как Морана на небе мелет ледяное зерно, и то сыплется с туч-жерновов, заваливая землю.

– Шагай дружней, дренги! – подбадривал дружину Боргар, проезжая вдоль цепи саней, влекомых усталыми лошадьми. – Уже почти дома! Всего-то роздых остался! Даг уже наливает нам пива! Я отсюда слышу, как оно журчит!

Боргар хёвдинг был зрелым мужчиной с толстым носом и длинными темно-русыми волосами, куда время щедрой рукой подмешало седину. Опытный и в торговых, и в военных делах, он прошлым летом ездил послом от Олава в Итиль, а следующим летом Олав именно ему собирався доверить честь возглавить собранное с его владений войско. Среди всадников при обозе Боргара выделяла большая шапка из меха черной лисы, нахлобученная низко, почти на самые глаза. Седоватая лиса была почти того же цвета, что и длинная, темная, полуседе́я борода, из-за чего Боргар носил прозвище Черный Лис. В дороге он простыл, и голос его звучал очень хрипло, но бодрости хёвдинг не терял. Зрелые лета не убавили ему задора, и повадки его казались легкомысленными, но на деле это был человек хитрый и в важных делах осторожный.

На Меренской реке и далее на юг, на озерах Неро и Келе, селения стояли так густо, что от одного в ясную погоду было видно дымы нескольких других. Но обоз держал путь к сердцевине Бьюрланда – небольшой области на севере Мерямаа, заселенной варягами. Здесь, на расстоянии в пеший роздых одно от другого, находились три селения, где жили варяжские торговцы и ремесленники. Каждую весну и лето они, объезжая большие и малые меренские «солы и ялы»¹⁵, вплоть до известных им двори́ков в чаще, купали у ловцов-мерен добытые за зиму шкурки, чтобы потом сбыть их приезжим из Хольмгарда. Самое большое из этих селений, куда обоз держал путь, местная мере называла Тумер – Дубрава, а варяги – Силверволл, Поле Серебра.

¹⁴ Под названием Меренской реки здесь выступают Молога и Верхняя Волга, в которую она впадает. Вообще в древности «реками» могли называть водные маршруты по землям тех или иных народов, включавшие не одну реку, а несколько и даже с волоками.

¹⁵ Сола – поселок, ял – деревня (мерянск.).

– Здешние рассказывают, что сорок лет назад сам Тородд конунг, когда впервые мерен данью обложил, по шелягу с дыма, зарыл все то серебро возле дубравы, – рассказывал по дороге Свен брату, который здесь еще ни разу не был. – А набралось там не то полторы, не то две тысячи шелягов. Это сокровище он посвятил богам, и теперь его сила охраняет весь Бьюрланд и приманивает сюда удачу и новые богатства.

– Ну, я понял! – улыбнулся Велерад. – Тородд посеял серебро, чтобы оно возшло и принесло хороший урожай.

– Урожай бывает неплох, – прохрипел Боргар, слышавший их беседу. – Мы у них оставим немало того серебра, что везем. Я еще слышал, что тот клад иной раз выходит наружу и показывается, будто красивая такая дева в серебряном платье и с волосами из серебра. Будто подходит она к парням и говорит: возьми, дескать, меня замуж. Если кто не оробеет и скажет, мол, согласен, она сразу и рассыплется кучей шелягов!

– Врут, поди! – Свенельд, этой байки не слыхавший, взглянул на хёвдинга с изумлением.

– Может, и врут.

– Да неужели не нашлось такого храброго, чтобы сказал «беру»? – удивился Велерад. – Я бы сразу согласился!

– А может, эта серебряная дева и не нашла еще никого, кто был бы ей по нраву! – хмыкнул Боргар. – Гляди, вон он, Силверволл!

Селение занимало самое высокое место в округе – на склоне длинного холма над мелкой речкой, и на другом берегу виднелось с десятков дворов. От Меренской реки он находился почти за целый роздых, да и от Огды в некотором отдалении, так что прямого доступа к нему по воде, как в Хольмгарде, не было, но большие грузы сюда подвозили только зимой, когда это не имело значения.

По знаку Боргара в обозе затрубил рог. Из селения ответили тем же – их уже заметили. На ближнем склоне перед первыми дворами замелькали люди, загорелись в сумерках факелы, залаяли псы.

Для здешних жителей приход хольмгардского обоза был, пожалуй, главным событием года. Старшие из здешних жителей вышли встречать приехавших с факелами в руках. Это торжественное шествие напомнило Свену о его недавней свадьбе, и он подивился: полтора месяца долгого пути через леса оттеснили домашние воспоминания, и сама Витислава казалась девой из предания, рассказанного о ком-то совсем другом.

Под беспорядочные звуки рогов обоз вступал в Силверволл. Здешний погост находился внутри селения – у самого тына стоял большой дом, с сенями при входе, с очагом в середине большого помещения, где спали, и с другим – в пристройке поменьше, где готовили пищу и тоже спали. При доме было несколько клетей для собранной дани и товара, навесы для лошадей и двор для саней. Примерно зная, когда обоз должен прибыть, здешние хозяева уже несколько дней понемногу топили очаги, поэтому дом был не таким выстуженным, как прочие погосты.

Дотемна шла суeta: распрягали и устраивали лошадей, переносили товар в клетки. Здешние женщины пришли варить кашу и гороховый кисель. Боргара и Свена с братом, как самых знатных из гостей, позвал к себе Даг – крупнейший из здешних хозяев. Его род принадлежал к числу первых варяжских поселенцев в меренском Тумере и жил здесь уже лет сто; как все такие люди, Даг пользовался большим уважением, был жрецом и хранителем обычаев, ему меренские варяги доверяли судить их и от их имени говорить с князем мерен – Тойсаром и с самим Олавом. Со своего хозяйства он платил наиболее высокую подать – семь куниц в год, как старейшины, – и носил прозвище Конунг Бобров.

Хоть три селения Бьюрланда и считались русскими, русов в них жило меньше, чем мерен, и то у многих мужчин жены были из местных, в том числе и вторая жена у Дага. От первой жены-ладожанки у него имелись два сына и дочь, все уже взрослые. От новой, меренской жены, родилось четверо, но те пока были маленькими. Эта жена, во главе всего семейства, встречала

гостей у очага в своем доме. Рог был привезен из Хольмгарда и отделан серебром, а налита в нем была местная медовая брага, называемая «пуре».

Велерад с любопытством рассматривал меренских женщин. Здесь он их видел впервые – в погостах вдоль Меренской реки их встречали только мужчины. От славянок или русинок они заметно отличались – и лицом, и одеждой. Они носили короткие, только до колен, платья и суконные либо кожаные кафтаны, а под ними были узкие порты навроде мужских и толстые обмотки, обвязанные цветными плетевками. Еще больше привлекало взгляд обилие украшений: для встречи важных гостей хозяйка спешно нарядилась, и теперь многочисленные подвески в виде уточек и утиных лапок на литых цепочках блеснули в свете огня у нее на груди, на поясе, были подвешены к ожерелью и приколоты на плечи. Даже на кожаных башмаках блеснули и звенели какие-то «лапки»!

– Будьте нашими гостями! – говорила хозяйка, за время замужества освоившая кое-что из варяжской речи. – Слава богам, что дали вам добрый путь! Ёлусь па ёлусь!¹⁶

– Ёлусь! – поклонившись, ответил Свенельд, в прошлые поездки тоже немного нахватавшийся самых нужных слов.

Велерад, не расслышав и боясь ошибиться, только улыбнулся хозяйке, поклонился и сказал «Хейль ду!»¹⁷ на северном языке.

Позади хозяйки стояла девушка, одетая в привычное гостям русинское платье, с бронзовыми наплечными застежками и двумя нитями бус мелких между ними – Арнэйд, старшая дочь Дага, от его первой, давно покойной жены. Однако по меренскому обычаю Арнэйд носила в ушах серебряные сережки в виде колечек из проволоки, с серебряными же бусинами на них. Хозяйка с поклоном подавала каждому гостю ковш пива, а когда он выпивал, наставлял черед Арнэйд, и она протягивала кусок ржаной лепешки с ломтиком сыра. Велерад было удивился, что угощение после долгого пути так небогато, но его утешил вид большого горшка возле очага: в нем дымились высокая стопа горячих блинов. Не зная, как вести себя в этом доме, Велерад косился на старших и подражал им: сперва угостили Боргара и Свенельда, а они, уже знакомые со здешними обычаями, по разу откусив от лепешки и сыра, клали их на стол. От Велерада не ускользнуло, что во время угощения Свенельд и Арнэйд бросают друг на друга такие выразительные взгляды, будто им не терпится вступить в разговор, но под надзором строгой хозяйки приходилось дожидаться более подходящего времени.

По очереди хозяйка обошла всех приехавших, и после этого наконец их позвали за стол.

– Садитесь и обогрейтесь! – приглашал Даг, оживленный и обрадованный. Это был крупный, как медведь, мужчина в годах, заметно припадающий на правую ногу; житейская опытность, ум и дружелюбие помогали ему ладить с самыми разными людьми, что в таком месте было необходимо. – Сейчас мы с вами выпьем, а пока наши кухты¹⁸ вам приготовят поесть уж как следует!

– Спасибо тебе, добрый человек! – просипел в ответ Боргар. Сняв шапку, он ладонью стер с высокого морщинистого лба воду от растаявшего снега и пригладил волосы. – Обогреться изнутри будет неплохо, но прикажи еще приготовить нам баню, и я буду тебе благодарен аж до следующей зимы!

– Не поздновато ли для бани? Уже темнеет.

– Пусть кто-нибудь ко мне сунется, сам будет не рад! – с чувством пообещал Свен, готовый пренебречь опасностью встречи с недобрым во тьме баннным духом. – Я не лягу спать, пока не помоюсь. А то... – он бросил взгляд на Арнэйд, – а то я не смею подойти поздороваться с твоей дочерью!

¹⁶ Мерянское приветствие «Живи-поживай!».

¹⁷ «Будь здорова!»

¹⁸ Кухты – женщины (мерянск.).

Свен подмигнул девушке, и та тихонько засмеялась.

– Здравствуй, Свенельд! – сказала она, пока гости рассаживались. – Вот и нас, в нашем Утгарде, снова посетили боги Асгарда и порадовали не менее, чем приход весны!

– Чтобы увидеть столь прекрасную дочь великана, – Свен мигнул в сторону Дага, – можно забраться и подальше!

– Сам Альмунд в этот раз не приехал? И где же твой доблестный старший брат?

– Годо так устал за лето, что зимой предпочел отдохнуть на супрядках. В этот раз я с младшим.

Подбодренный призывным взглядом, Свен было шагнул к девушке, но тут Боргар прохрипел:

– Даг, не позволяй ему больше целоваться с твоей дочерью! Он недавно женился. А вот моя старуха прошлым летом, пока я был в Итиле, уехала прислуживать Хель...

Девушка перестала улыбаться и вытаращила глаза. Свен с досадой обернулся к Боргару – вот надо было вывалить все новости прямо на пороге! – и заметил, что Арнор, старший сын Дага, прямо просиял.

– Свенельд, ты женился! – воскликнул тот. – Какая замечательная новость! А кто она?

– Да ну что ты? – охнул Даг. – У вас, я смотрю, новостей целый воз! Да садитесь же, поговорим, пока баня топится.

Сейчас, вечером, хозяин мог предложить гостям под пуре только самое простое – хлеб, сало, лук, вяленую рыбу. Завтра же жители Силверволла должны были устроить для прибывших пир, а в следующие дни их обязаны кормить два других селения Бьюрланда, Хаконстад и Ульвхейм. Эти пиры считались частью дани, а потом такой же пир приехавшим должен был дать каждый туком¹⁹, куда они придут.

Дагово жилище, по здешним меркам, было просторным – сруб на каменной подкладке, чтобы выровнять неровность склона, а заодно уберечь бревна от гниения. К одной стене примыкали ясли для скота: здесь держали и коров, и овец, и коз, и запах хлева порой просачивался сквозь запах очажного дыма. В избе посередине был очаг на земляной подсыпке, а в дальней от входа половине – подпол, откуда две челядинки доставали припасы. Но все же это жилье предназначалось для нужд одной семьи и не могло вместить столько гостей, сколько гридницы знатных людей, и скоро здесь стало не протолкнуться. Младших детей хозяйка загнала на полати, и они, свесившись оттуда, с любопытством тарасились на гостей. Велерад, глянув на любопытные рожицы, засмеялся и подмигнул: его смешил местный обычай вдевать сережки в уши даже маленьким детям обоего пола. Купцы, устроив людей на отдых, а товар на хранение, приходили поскорее узнать местные новости, а здешние хозяева, русы и мерен, спешили послушать, что творится в Хольмгарде. То один, то другой поднимался с рогом в руках, чтобы выпить на богов и на здоровье всех присутствующих, но стоял такой шум, что мало кто мог разобрать, что говорят на другом конце стола. Хозяйке – ее звали Ошалче – некогда было «править пиром», как это делала Сванхейд: она спешно смешивала в широком горшке тесто для ячменных лепешек, пока челядинка грела у очага две глиняные сковороды. Даг кричал громче всех, счастливый от такого наплыва людей, говорящих на его родном языке, и не замечал, что вставляет в речь привычные ему меренские слова.

Свенельд старался на пуре особо не налегать: еще мыться идти. Тем не менее вскоре к нему подошла Арнэйд с кувшином, чтобы наполнить его чашу. Чаши здесь подавали самолепные, с довольно толстыми стенками, но были и деревянные, и даже берестяные.

– Ты почти ничего не выпил! – Она заглянула в его чашу. – Тебе не нравится наша пуре? Вы там у себя в Хольмгарде, видать, привыкли к чему получше?

¹⁹ Туком – община (мерянск.).

– Мне все здесь нравится, особенно ты! – не подумав, больше по привычке ляпнул Свенельд. – Но я засну, если выпью, а я твердо решил дойти сегодня до бани.

– Так это правда... что ты женился, или Боргар пошутил? – поколебавшись, спросила мучимая любопытством Арнэйд.

– Это правда. Я завтра расскажу на пиру.

– Это очень забавная повесть! – улыбнулся Велерад.

Свенельд толкнул его локтем: он не хотел, чтобы эту славную сагу, предмет его гордости, рассказывал кто-то другой. К тому же его не обрадовала мысль, что Арнэйд узнает, как мало его жена похожа на настоящую женщину – из такой дали Витяша казалась еще меньше, чем была на самом деле. Ему совсем не хотелось, чтобы Арнэйд посмеялась над его женитьбой, пусть и про себя. С этой девушкой они знакомы были очень давно: Альмунд впервые взял Свена в Мерямаа, когда тому было двенадцать лет. Арнэйд он помнил не с начала: тогда она была слишком мала, чтобы он вообще ее заметил. А теперь, гляди-ка! Еще несколько лет назад Арнэйд была девчонкой, а теперь она женщина! Свен снова подумал о Вито: и она подрастет, как подросла Арнэйд. Но как бы устроить, чтобы и те несколько лет проскользнули так же незаметно?

С Арнэйд они виделись раз в год, и то не каждый – иной раз Свену выпадало ездить к веси на север. Помимо этих дней Свен никогда не вспоминал Арнэйд, и у него не было причин думать, будто дочь Дага Бобрового Конунга к нему равнодушна. Однако сейчас он видел на ее лице невольную досаду, разочарование, как будто она не так ему рада, как обычно.

– Что ты так смотришь? – Арнэйд нахмурилась.

– Да ты уже совсем... – Свенельд хотел сказать «совсем невеста», но запнулся. – Совсем взрослая женщина.

– Мне восемнадцатая зима идет. Еще лето-другое, и ко мне начнут свататься.

– А почему еще лето-другое? – не понял Свен. – Неужели Даг считает тебя молодой для замужества?

Он удивленно окинул взглядом крепкий стан Арнэйд и довольно полную грудь, не оставлявшую желать ничего лучшего. Несмотря на дорожную усталость, вид ее волновал. Вот если бы его Вито была в таких годах, как нынче Арнэйд... и походила на нее во всем... тогда он совсем по-иному радовался бы своей женитьбе! Свен сглотнул, отгоняя неуместные мысли.

– Женихи считают меня слишком молодой! – фыркнула Арнэйд. – У мерен, если ты не знаешь, неприличным считается отдавать дочь замуж, едва лишь она созреет. Она должна поработать по дому и помочь родителям, прежде чем уходить в чужие люди. И мне тут, знаешь ли, работы хватает – сколько у нас скотины, да и Ошалче по ребенку приносит чуть не каждый год. А вот сыновей здесь женят раньше...

– Что ты там толкуешь ему про женитьбу? – окликнул дочь Даг, разобрав сквозь общий говор важные слова. – Рассказываешь про Тойсара? Да, это важная новость! Знаете, я вдвойне рад, что вы приехали! – оживленно продолжал Даг, глядя то на Свена, то на Боргара. – И что ты женился, Свенельд!

– Да что вам всем далась моя женитьба! – сорвался Свен, не понимая, почему это событие огорчило Арнэйд, но явно обрадовало ее отца и братьев. – Я ведь никогда не намекал, будто...

– Конечно, это очень хорошо! – упорно сипел Боргар, которого в тепле сильно развезло от сладкой пуре. – Теперь он уже не жених, а вот я – в самый раз!

– Никто здесь не думал, будто Свенельд... жених! – звонким от досады голосом воскликнула Арнэйд.

– Само собой, – поддержал ее отец, сообразив, о чем идет речь. – Свенельд, не подумай, будто мы рассчитывали... Предки мои были очень достойными людьми, и на этом месте мы сидим уже сто лет, но королевской крови ни у меня, ни у бедной моей покойной Фино не найти даже за все сокровище Тородда.

Свен слегка переменялся в лице, успокоившись. Арнэйд – очень привлекательная девушка, но свататься к ней ему никогда бы и в голову не пришло: в их семью требовалась невеста познатнее. Хорошо, что Даг сам это понимает.

– Мы найдем тебе жениха, девушка! – дружелюбно улыбнулся Велерад, видя, что Арнэйд хмурится. – Ведь у нас в Хольмгарде какого только товара нет! Скажи, каким он должен быть, и мы непременно присмотрим тебе именно то, что нужно!

– А если нет – у сарацин возьмем! – со смехом подхватил Дружинка – приехавший с обозом молодой словенский купец.

Надо спросить, как здесь с желающими идти на сарацин, мельком подумал Свенельд. Но едва он вдохнул, собираясь заговорить об этом, как хлопнула дверь, кто-то что-то крикнул хозяину по-меренски.

– Баня готова! – провозгласил Даг.

Махнув рукой на дела, Свен поспешно встал. В нынешнем виде он боялся подойти к Арнэйд слишком близко – как бы девушка не сморщила нос от запаха пропотевшей и давно не стиранной рубахи.

* * *

Наутро Свенельд проснулся тролль знает как поздно – за оконцем, куда тянулся над головой дым от горящего очага, уже был ясный день и даже светило солнце. Сев на лежанке, он провел рукой по взъерошенным волосам – вчера после бани лег с влажными. Шевелиться не хотелось, и Свенельд с удовольствием улегся снова. За весь зимний объезд только здесь, на середине пути, появлялась возможность выспаться, а не вскакивать каждый раз в глухой темноте, чтобы за день успеть добраться до следующего погоста и решить все тамошние дела. В Бьюрланде стояли дней пять, а этот срок тоже не давал разлеживаться – хлопот предстояло много. Но хотя бы в первые день-два...

Когда Свенельд наконец встал и в сорочке вышел в прохладные сени умыться, там на него наткнулась Арнэйд – она вошла со двора, неся лукошко яиц. Пока дружина пребывала в Силверволле, обязанность кормить ее возлагалась на местных, и у Дага, к его чести, беспорядка в этом деле не бывало: он заранее распределял по хозяевам, кто чего и сколько присылает.

– Ёлусь! – насмешливо поздоровалась Арнэйд по-меренски.

Сегодня на ней было обычное платье из толстой некрашеной шерсти и беличий кожух, волосы заплетены в косу со звенящей бронзовой подвеской на конце, как носят меренские девушки. На поясе тоже что-то звенело.

– Сама ёлусь, – хмыкнул Свен, забросив рушник на плечо и пригладив волосы.

Отвернувшись, Арнэйд попыталась пройти мимо него в дверь большого покоя, лицо ее выражало пренебрежение, которое Свен не мог оставить без внимания.

– Арнэйд! – передвинувшись, он ловко перекрыл ей путь к двери и взял за локти.

Она дернулась, но лукошко с яйцами мешало ей оказать более действенное сопротивление.

– Ты на меня обиделась? Что я сделал?

Свенельд точно знал: жениться на Арнэйд он не обещал, и она не могла этого ждать. Так почему с ним теперь обращаются, как с обманщиком?

– Ничего я не обиделась, – Арнэйд повела плечом. – Пусти.

– Не пушу. Так и будешь ходить, будто с жабой во рту...

– Я что, похожа на женщину, которую можно одурачить? – полушепотом возмутилась Арнэйд. – Похожа, да? Если я живу в самом дальнем углу Мидгарда, откуда уже Утгард²⁰ видать, это не значит, что я глупа, как заяц!

– Да кто тебя считает глупой? – Свенельд и правда подумал, что она не в себе. – Покажи мне того стервеца!

– Чего ты от меня хочешь? Дай пройти! Если ты женился, то на меня тебе и смотреть больше незачем!

Даже будь у нее такое желание, Арнэйд затруднилась бы объяснить, чем Свенельд ей не угодил. Она никогда не ждала, что кто-то из сыновей Альмунда из Хольмгарда к ней посватается, но теперь, когда оказалось, что один из них уже нашел себе жену, она почему-то ощутила себя покинутой и никому не нужной. Свенельд нравился ей больше Годреда, слишком надменного и задиристого; и вот он, хоть и пересмеивался с ней каждую зиму, жену себе сыскал в другом месте. Познатнее. А о ней, сидящей тут среди мерен и медведей, даже не вспомнил, надо думать! Жизнь шла мимо, где-то вдали, как большой морской корабль под полосатым парусом, а она все здесь – яйца собирает, будто она не девушка, а старуха-ётунша!

– Арнэйд, да возмись за ум! – Свенельд крепче сжал ее плечи и слегка встряхнул. Он не робел перед женщинами, но и ловкачом, умеющим подольститься, никогда не был. – Если ты будешь теперь от меня нос воротить, люди подумают, что я и впрямь тебя одурачил²¹! Не было ж ничего! Слухи пойдут, только позор напрасный и вам, и нам. И что – Дагу меня на остров²² вызывать?

Девушка молчала, не глядя ему в лицо, в досаде на него и на себя, которую не могла подавить.

– Меня все равно не отдали бы замуж в Хольмгард, – проговорила она чуть погодя. – Отдадут за кого-нибудь из здешних. В Арки-вареж или кому-то из кугыжей²³. А у них и так по две и по три жены у каждого...

Хороший старик Аталык,
Прекрасный старик Аталык,
У него семеро сыновей,
У него четырнадцать снох,
У него двадцать четыре внучонка... —

пропела она, на ходу переводя меренскую песню на язык руси, но на последней строчке засмеялась.

– Ты про здешних? – Свенельд не понял, варягов Бьурланда или мерен она имеет в виду.

– Мерен. Так хочет Ошалче, она уже наметила мне в мужья каких-то своих племянников.

– Но если ты не хочешь... Неужели Даг послушает ее, а не тебя?

– О да-а! – протянула Арнэйд и, наконец подняв глаза, многозначительно взглянула ему в лицо. – Был бы ты неженат, я бы дала тебе совет: не женись на мерен удор²⁴!

Свенельд невольно раскрыл глаза, сообразив, что здесь скрыто нечто важное, а Арнэйд зашептала:

– Они владеют искусством забирать мужей в руки, так что те не могут ни в чем им перечить! У них и пословица есть: «Что жена думает, то муж и говорит». Ошалче намекала, что

²⁰ Мидгард – мир людей, Утгард – страна великанов, «мир за оградой».

²¹ В эпоху викингов слово «одурачил» в контексте отношений мужчины и женщины означало «совратил».

²² На остров – имеется в виду обычай под названием «хольмганг», то есть «поход на остров»: поединок по вывозу ради разрешения того или иного конфликта.

²³ Кугыжи – старейшины.

²⁴ Мерен удор – мерянская девушка, девица (*мерянск.*).

обучит меня этому, но только когда я буду сговорена с кем-то по ее выбору. Я точно не знаю, что это за средства, но догадываюсь... что никакие самые противные сейд-коны²⁵ таким не занимаются!

– Брат в жены куницу я и не думал, – Свен улыбнулся, радуясь, что она вроде бы перестала сердиться. – Я по-меренски и не знаю ничего, кроме «ёлуса» да как бобры называются.

– Хм! Еще посмотрим, что ты скажешь, когда узнаешь...

– Что я узнаю?

– Думаешь, просто так мои братья так обрадовались твоей женитьбе!

– Девушка, ты говоришь загадками, будто вэльва, но я-то не Один, чтобы их разгадывать!

Теперь Арнэйд смотрела ему в лицо почти в упор – так близко, как они еще никогда друг к другу не подходили. Не сказать чтобы Свенельд сын Альмунда был красавец – слегка припухшие после сна, глубоко посаженные глаза, растрепанные влажные волосы, молодая русая борода, сбегаящая вдоль края щеки к заостренному подбородку. Но это истинно мужское лицо: есть в нем решимость и всегдашняя готовность к действию, пленяющие женщину сильнее красоты. Высокий рост, широкие плечи, соразмерное сложение, легкие и ловкие движения – девушка могла им залюбоваться. Повадки у него не слишком располагающие, однако чувствуешь, что человек он хоть и не улыбочивый, но искренний, и в его прямоте нет злобы. Сейчас, когда ни о чем таком уже вовсе не следовало думать, Арнэйд вдруг стало очень жаль, что они неровня. Такого мужа не пришлось бы стыдиться даже дочери настоящего конунга, не то что «бобрового».

– Скоро ты все узнаешь! – Арнэйд выразительно округлила глаза и наконец оттаяла. – Дай отнести яйца, а то Ошалче пошлет меня искать!

– Здесь мытный сбор за проход с товаром! – не дрогнув лицом, заявил Свенельд.

Арнэйд еще раз округлила глаза, теперь уже с видом незаслуженного страдания. Но не возражала, когда Свен наклонился и слегка поцеловал ее. От прикосновения к ее губам его обдало жаром, сердце забилося как бешеное, но он сам себя осадил, не стал ждать, ответит она или нет. Примирились, и довольно. А то и правда до «острова» недалеко, того, что ясеновыми древками огораживают и по два запасных щита с краю кладут...

Девушка высвободилась и ускользнула в главный покой со своим лукошком. Свен остался в сенях, проводя рукой по щеке и стараясь успокоиться. Странное дело, но теперь, когда он был женат, встреча с Арнэйд взволновала его сильнее, чем в прошлые годы. Может, оттого, что перед лицом зрелой, пышущей жизнью и тайным желанием девушки его женитьба на Вито показалась насмешкой? Если бы не Вито... сейчас он был бы недалеко от мысли так посвятаться к Арнэйд, пусть это и неразумно. Даг, хоть и конунг всех здешних бобров и лисиц, все же Свенельду, потомку Халльмунда Старого, неровня.

Но из Арнэйд вышла бы настоящая жена! А не такая, с какой только «в криночки» играть!

Что она там сболтнула про «по две и по три жены»? Позволил бы Даг своей дочери пойти второй женой к человеку знатного рода? Она бы ему очень пригодилась на те годы, пока Вито подрастает!

– А-а, девушка! – донесся сквозь неплотно закрытую дверь голос Боргара – такой же помятый, как утреннее лицо его хозяина. – Хорошо, что ты пришла! Я сам хотел идти тебя искать!

– Чем я могу услужить с утра пораньше такому выдающемуся человеку? – весело и даже игрово ответила Арнэйд, и Свен ощутил нечто вроде ревности.

– Сейчас – разве что ковш воды холодной, а я сговориться насчет пира. Хочу, чтобы ты села со мной рядом и мы могли вести учтивую беседу! Средний Альмундов сын, слава асам,

²⁵ Сейд-коны – колдуньи-шаманки в скандинавской традиции.

больше не жених, но он привез третьего, такого же бойкого лосося, и я хочу заранее о себе позаботиться!

– Я спрошу у отца, с кем рядом он велит мне сидеть, – с неудовольствием ответила Арнэйд. – Если Ошалче позволит мне сидеть за столом – здесь не в обычае, чтобы женщины ели вместе с мужчинами.

На Велерада, бывшего моложе ее на два года, она смотрела лишь с любопытством, как на всякого нового человека. Но Боргар привлекал ее ничуть не больше – с его полуседой бородой и таким лицом, что при взгляде на него приходила на ум доска из китовой кости и «гладильный камень» зеленого стекла, привезенные еще для покойной матери из Свеаланда и доставшиеся Арнэйд по наследству, – уж слишком долго он носит это лицо, совсем измялось!

– А то смотри! Если ты пожелаешь и мы стоворимся с Дагом – нынешней же зимой увезу тебя в Хольмгард!

Арнэйд не ответила, видимо, занятая переключиванием яиц. Может, уехать в Хольмгард из этого медвежьего угла для нее было бы и недурно, подумал Свен. Но с трудом мог представить Арнэйд, радостно летящую в объятия хитроглазого Черного Лиса.

– Боргар, зачем тебе сейчас жениться? – сказал Свенельд, входя в покой. – Ты забыл, что летом мы отправляемся на Хазарское море?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.